

БОРИС

БАБКИН

Я ВЫЖИЛ,
НАЧАЛЬНИК!

Борис Николаевич Бабкин Я выжил, начальник!

*текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169951
Я выжил, начальник!: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-041656-1, 978-5-9713-6492-4*

Аннотация

Еще вчера Вулич был героем чеченской кампании. Сегодня он несправедливо осужденный – один из тысяч эков в лагерном аду.

Ему не жить за колючей проволокой.

Он снова и снова пытается бежать из лагеря.

И однажды судьба предоставляет ему такой шанс.

Но вожденная свобода превращается для беглеца в войну с безжалостным мафиозным кланом, терроризирующим маленький сибирский городок.

В войну, где ему предстоит либо погибнуть, либо победить в одиночку!

Борис Николаевич Бабкин

Я выжил, начальник!

Киров

– Во! – воскликнул стоящий посреди камеры рослый бритоголовый парень с татуировкой на теле и руках. – Откуда, мужики?

– Я из Москвы, – ответил один из пятерых вошедших в камеру. – Этот, – он кивнул на высокого бородача, – из Ярославской области, остальные кто откуда.

– А упакованы вы ништяк, – усмехнулся парень. – Может, и бабло имеется? – Он понизил голос. – С бабками тут лафа! Пятихатка – и с биксой два часа. Пятихатка – и пузырь водяры. Давай, братва, не скупись, а то нас тут уже неделю маринуют. Чифы нет, да и с курехой напряг.

– Да мы ведь тоже не из супермаркета, – покачал головой черноволосый подтянутый мужчина.

– Ты кто по масти? – подошел к нему бритоголовый.

Черноволосый посмотрел на него и, молча достав из спортивной сумки выданный на дорогу тюремный паек, начал есть.

– Ты чё, – разозлился бритоголовый, – не по масти попал? Ты, сука...

Короткий тычок локтем в солнечное сплетение заставил его осесть.

– Ты чего? – К черноволосому бросились трое.

– Сели! – крикнул лежавший в углу седой мужчина. – Я говорил Лысому – нарвешься. Мужиков не трогать. С вас в зоне получают. Иди сюда, земля, – кивнул он черноволосому.

– А ты кто? – с усмешкой спросил тот. – Король Англии, чтоб я...

– Ты чё, земля, – зашептал ему плешивый мужик, – это Серебряный, вор в законе.

– А ты зубастый! – Серебряный засмеялся. – Иди сюда. Сделайте чифы, – приказал он. – Это тебя в браслетах везли? – Черноволосый кивнул. – Садись. Тебе за Буратино предьява есть, так что будь поаккуратнее. Спиной не поворачивайся к тем, кто первым поздоровается.

Красноярск

Молодая красивая женщина вышла из автобуса и направилась к железнодорожному вокзалу. У входа остановилась, достала из сумочки паспорт с вложенным в него билетом, но вдруг насторожилась.

– Давай бабки, сучка! – прошипел длинноволосый верзил.

Русоволосая девушка лет семнадцати дрожащими руками расстегивала кожаную сумочку.

– Это последние, – прошептала она. – У меня...

– Бабки, сучка! – Он вырвал из ее рук несколько сотенных купюр. – И передай своему папаше...

Женщина, стремительно бросившись к ним, сильно толкнула верзилу в плечо и сразу ударила его ногой под коленки. Верзила плюхнулся на асфальт.

– Милиция! – закричала женщина.

Ей испуганно вторили несколько прохожих. К дверям бежали двое милиционеров. Девушка заплакала.

– На первый путь, – раздался голос, – прибывает поезд Владивосток – Москва. Нумерация вагонов с головы состава.

– Теперь все в порядке, – сказала девочке женщина. – А мне ехать надо. Успокойте ее, – попросила она, – а то мой поезд уже подошел.

– Что тут произошло? – спросил первый милиционер.

– Да снова освобожденные деньги трясут, – заломив верзиле руку за спину и защелкивая наручники, отозвался его напарник.

– До свидания! – Женщина быстро побежала на перрон.

– Лихая бабенка, – произнес старший сержант. – Он ведь, гаденыш, с ножом.

– В чем дело? – В переход вошел майор милиции.

– Да вот, – сержант кивнул на плачущую девушку, – этот, – он взглянул на матерящегося парня в наручниках, – на гоп-стоп ее хотел взять.

– Ко мне его, – приказал майор. Посмотрел на девушку. – Ее тоже. Чего тебе не хватает, кретин?! – Схватив парня за шиворот, он поддернул его к себе.

– Ты уж извини его. – Майор подал плачущей девушке стакан воды. – Вот твои деньги. А это за причиненное беспокойство. – Открыв ее сумочку, он сунул в нее сто евро. – Сейчас тебя проводят на поезд, посадят и предупредят проводника, чтоб никто тебя не обидел. Вещи твои где?

– В камере хранения.

– Все получают и донесут. И на дорогу тебе провиант купят. – Он кивнул стоящему в двери старшему лейтенанту. – А спасла тебя твоя сестра?

– Я ее не знаю, – ответила девушка. – Она же на поезд побежала.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнул майор. – Ты же не будешь заявление писать? Ни к чему это. Извини его... – Он сурово взглянул на сидевшего в углу парня.

– Слушай, крошка, – пошатываясь, подошел к стоящей у окна женщине плотный мужчина, – пойдем отметим...

– А ну сдерни отсюда! – Из купе выглянул крепкий мужчина с погонами майора-пограничника.

– Ништяк, все путем! – Плотный отошел. – Хороша Маша, – подмигнул он идущему за ним парню, – да не наша.

– Небось недавно освободились они, – сердито проговорила вышедшая на голоса проводница. – Соседний вагон с нами – ресторан. Теперь они всю ночь будут шастать да куролесить. Вон сзади три вагона с такими, как они, прицеплены. – Проводница вернулась в свое купе.

– А вы молодец, заступились за девчонку в переходе, – улыбнулась сидевшая рядом с майором пожилая женщина.

– Смелая вы, – подхватил майор, – и драться умеете. Занимались, наверное?

– Да нет, – женщина вошла в купе, – просто так получилось. А вам спасибо, – посмотрела она на майора. – Сейчас далеко не каждый способен дать отпор.

– Я же офицер... Григорий Петрович. – Майор протянул руку.

– Вера, – назвалась женщина.

* * *

– Да я ее только на вокзале догнал, – возбужденно говорил по сотовому парень. – И тут вмешалась эта телка. Я и сказать ничего не успел, как она...

– А на кой хрен ты деньги у нее брал? – раздраженно перебил его голос в телефоне. – Возвращайся домой, щенок, я с тебя шкуру спущу, бандит с большой дороги! Дай Пискуна. – Парень протянул телефон майору. – Проблемы будут? – поинтересовался абонент.

– Нет, Петр Данилович, девчонку проводили, все честь по чести. Бабенка, которая Ромку остановила, сразу уехала. Так что все в порядке.

– С меня причитается, Пискунов. Ты отправь этого гангстера до Енисейска под конвоем. Там его встретят. Конвою,

как полагается, дары. Тебе, разумеется, тоже.

– Все сделаем, – сказал Пискунов.

– Ну, спасибо и прощевай.

– До встречи, Петр Данилович. – Пискунов отключил телефон и протянул его парню. – Тебя проводят до Енисейска, – строго проговорил он. – С моими поедешь. И не вздумай что-нибудь выкинуть. Мои орлы шуток не понимают и поломают с ходу. Батя твой приказал немедля тебя к нему доставить.

– Выходит, зря мы старались, – недовольно заметил старший сержант. – Та баба уехала, свидетелей нет. Девчонку напугали и чем-то рот заткнули. И все, бандит свободен...

– Прикуси язычок, Торопин, – усмехнулся его напарник. – Этот парень – сын самого Короля. Слышал о таком?

– Да кто ж не слышал? Миллионер наш. На лесе сделал себе состояние. А что ж сынок его, как последний гад...

– Да он все хочет из себя слепить кого-то, – презрительно объяснил сержант, – а не выходит. Если б не отец, давно бы сидел. В общем, отморозок полный. Бабе, которая его сделала, повезло, а то много неприятностей заимела бы.

– Куда вы едете? – спросил майор.

– Домой, – вздохнула Вера. – Я врач в колонии строгого режима. Работаю вместе с мужем.

– Нелегко тебе приходится, – покачала головой пожилая

женщина. – Наверное, тяжело с преступниками работать да и опасно.

– Непросто, конечно. Я думала, иначе жизнь сложится. Но вышло так, как вышло. Наверное, каждый должен делать то, что умеет.

– А страшно?

– Первое время – да. Сейчас привыкла.

Киров

Дверь камеры распахнулась. В проеме появился прапорщик с повязкой корпусного.

– Называю фамилию, – громко проговорил он. – Арестант подходит, сообщает имя, отчество, статью, начало и конец срока и выходит. Воронин! – выкрикнул он.

– Советую присматривать за этим типом, – сказал майор МВД.

– Борис Вулич, – прочитал, раскрыв папку, капитан ВВ. – Ого! Полный набор. И побегушник, и владение боевыми искусствами. Небось не так возили, – подмигнул он майору. – До станции доедет, а там передадим его, и все. Мы...

– Предупреди конвой в поезде, – перебил его майор. – В туалет пусть в браслетах водят, пассажир еще тот.

– Сами все увидят, – отмахнулся старший конвоя.

– Ты будь повнимательнее при выгрузке, – сказал майор.

– Пристрелим, и все дела, – засмеялся капитан.

– Обрати-ка внимание на это. – Майор указал на две буковки на треугольном штампе.

– Ого! – покачал головой начальник конвоя. – Действительно, СП, значит, следствие продолжается. Выходит, за ним еще дел полно. А может, просто что-то знает, например, о паре стволов, но скрывает. Ладно, – он отложил папку, – давай грузить.

– Вулич, – прочитал прапорщик.

– Борис Леонидович, – подошел к нему высокий стройный черноволосый мужчина. – Осужден по статьям 313, 202, 206. Восемнадцать лет. Начало срока...

– Побегушник, значит, – посмотрел на него прапорщик. – И заложников брал. Пособник Басаева?

– Не доводи еще до одной статьи, – спокойно ответил Вулич.

– Готовы? – Капитан осмотрел солдат у автомашины для перевозки осужденных. – Первый пошел, – скомандовал он. Из двери СИЗО вышел мужчина в спортивном костюме. В заведенных за спину руках он держал небольшую сумку.

– Для твоего же спокойствия! – Усмехнувшись, прапорщик застегнул на руках Вулича наручники.

– А это что за фрукт? – с интересом спросил сидевший в

фургоне автозака небритый детина.

– Афган, – ответил кто-то из двенадцати осужденных. – Из лагеря в Ярославской области ушел. Подельник его, Вихрев, при аресте себя взорвал. Они воды здорово намутили. Я с ним из Ярославля иду.

– Кто по масти? – спросил небритый.

– Да мужик вроде, – ответил худощавый мужчина средних лет.

Вулича посадили в отдельный бокс. Сержант ВВ закрыл дверь.

– Слышь, земля! – крикнул небритый. – Тебе за кой хрен такие почести? Может, хвост за собой маешь?

– Хорош, Дуболом, – остановил его пожилой мужчина в очках. – За него Запорожец горой. Его возили, чтоб о победе что-нибудь выяснить. А кумовья бросили к Оку. Он им устроил Варфоломеевскую ночь.

– Извини, земляк! – громко проговорил Дуболом.

– Прекратить базар! – рявкнул ефрейтор с автоматом.

– На дембель поедешь, будешь знаки различия менять, – подмигнул ему Дуболом. – А здесь чего не благовать? С душой и...

– Закрой рот! – Ефрейтор пнул решетчатую дверь.

Вулич криво улыбнулся.

«Почет, – подумал он. – В одиночке и в наручниках. Все равно уйду. Но теперь жить буду. Я все-таки исполню наш

с Вихревым план. Я хотел попасть в Воронеж и быть убитым. Он хотел спасти свою дочь. Он сумел это сделать, а я выжил...»

Автозак остановился. Пять машин для перевозки осужденных затормозили метрах в пяти от перрона, почти вплотную к шпалам. Из кабины вышли двое вэвэшников, из открытых дверей автозакров еще десять и образовали небольшой полукруг. Один из них держал на поводке овчарку. Оставшийся в крайнем автозаке солдат без оружия открыл зарешеченную дверь.

– Первый пошел!

Из блока, отгороженного решеткой, вышел первый осужденный.

– Начинайте погрузку, – приказал проходивший по коридору вагона с зарешеченными окнами капитан ВВ. Разделенные по типу купе стальными стенами отсеки отделялись от коридора мелкой решеткой. Несколько отсеков были пустыми. Солдат открыл три дверцы.

– Что за бан, начальник? – хрипло спросил мужчина в полосатой робе.

– Да Киров это, – отозвался кто-то.

– Закройте рты! – крикнул солдат.

– Нам подбросят кого? – снова спросил первый.

– Наверняка, – послышалось из соседнего отсека. – Кстати, тут мужички с богатыми торбами катят.

– Ништяк, а то пузо к позвоночнику прилипать начало. Уже двое суток катим.

– Откуда, земляки? – громко спросил небритый мужик в робе особого режима.

– Кировские все, – ответили ему из соседней камеры.

– Куреха имеется? – спросил «особняк». – А то мы на голяке, братишки. Да и похавать чего-нибудь не откажемся. И чайку хоть на кружечку чифы.

– Соберем, братишки, – пообещал невидимый сосед.

Небритый, подмигнув восьмерым «особнякам», усмехнулся.

– Девочки, – лысый «особняк» постучал по перегородке, – сейчас подгоним вам табачку и хавки.

– Хватит базарить! – приказал проходивший мимо офицер.

– Его в одиночку, – кивнул на Вулича начальник конвоя.

– Во, блин, – удивленно проговорил бородатый «особняк», провожая взглядом проходившего мимо мужчину в наручниках. – Вышка, что ли? Так отменили вроде. А пожизненных в Вятлаге нет.

– Кто об этом что знает? – громко спросил небритый.

– Ой, девки, – раздался женский голос, – смертника повели!

– Вот и номер-люкс! – Вулич вошел в бокс-одиночку.

Подошедший капитан открыл в двери «кормушку».

– Руки, – сказал он.

Вулич сунул скованные руки в кормушку. Офицер расстегнул наручники.

– А ты опасен, заложников брал. Для чего? – Он покачал головой.

– Просто хотел, чтоб меня убили. – Вулич сел.

– Здесь дернешься, – угрожающе проговорил офицер, – и твое желание исполнится.

– Сейчас я о другом думаю, – засмеялся Борис.

– За этим смотри внимательно, – предупредил офицер ходившего вдоль камер солдата, – уж больно веселый. И опасный. Веселые люди в наручниках с большим сроком опасны своей непредсказуемостью. Сейчас у него восемнадцать. Значит, первый срок был небольшой. Я спросил его – что могло заставить человека, которого по этапу возят в браслетах, бежать из колонии? Он ответил, что хотел, чтоб его убили. Я поверил. Но сейчас он весел, а значит, имеет план. Он попытается сбежать.

– А почему он в браслетах? – спросил небритый.

– Да в Кирове устроил бойню с дубаками. И на пересылке в Ярославле тоже заваруха была. Потом он с зоны в Ярославской области сдернул, чуть солдата на вышке не пришил. В общем, будь здоров...

– Менты уважают таких, – засмеялся небритый, – постоянно в браслетах водят. На зоне хапанет он горюшка. Наверное, на Котчиху идет, на лесоповал побегушников не тащат.

– Ехала девчонка с Магадана, – негромко пела женщина за перегородкой. – Срок везла из города Кургана. Рядом с нею в камере парнишка, у него в конце этапа вышка, дел крутых наделал он немало, и девчонке парня жалко стало.

«Уголовная романтика, – думал лежавший на деревянной полке Вулич. – Стук колес, за решетчатой стеной ходит вооруженный конвоир, а рядом поет женщина».

– Говорить с конвоем я согласна, – продолжалась песня. – Я к твоей судьбе не безучастна.

«Говорить с конвойными, – усмехнулся Борис, – чтоб их свели. За пару тысяч, наверное, можно».

– Как же это все назвать развратом? – пела женщина в соседнем отсеке. – Слезы и любовь под автоматом.

«С душой поет», – подумал Борис.

Солдат сунул в решетку свернутый листок. Пока он читал, женщина пела о том, как начальник конвоя – пьяный прапорщик – полез к зэчке, которая переспала со смертником. Она оттолкнула его и ударила.

– Выстрелил в нее он из нагана, – услышал Борис. – Не видать теперь ей Магадана. А наутро в рапорте писали – зэчку при побеге расстреляли. Прапорщик погиб героем в битве, в камере у смертника на бритве.

«Ромео и Джульетта отдыхают!» – улыбнулся Борис.

«Скоро буду дома, – думала Вера. – Виктор соскучился, звонил часто. А завтра на работу...» – Вера посмотрела в темное окно и, накрывшись простыней, печально вздохнула.

Москва

– Я не понимаю, – говорил седой мужчина, – какого черта вам нужно от Вулича?! Все предельно ясно – он осужден за то, что совершил. И не надо забывать, что свой первый срок Вулич получил ни за что. Ничто не указывает на то, что Буратино в Тверской области убит Вуличем и Вихревым. Не доказано и то, что Вулич участвовал в нападении на Луганова. Дело, я считаю, закончено. И вообще я ухожу на пенсию. С заказными убийствами, совершенными Вихревым, все ясно. Попутно мы накрыли две группы наркоторговцев, взяли Луганова и его приспешника участкового.

– Рано тебе на пенсию, Семен Петрович, – улыбнулся прокурор. – А в деле Вулича много неясностей. Получается, что у него на свободе остались сообщники, которые помогли ему от Плещеева озера перебраться на трассу Москва – Воронеж незамеченным, хотя претензий к работе...

– А я считаю, что в деле все ясно, – перебил Семен Петрович. – И от дальнейшего расследования я отказываюсь.

– А следствия и не будет, – покачал головой прокурор. – Вулич получил восемнадцать лет, и мы поставили отметку

для оперативной части колонии, чтобы...

– Они добывают сведения от стукачей, – засмеялся Семен Петрович. – Повторяю – я отказываюсь...

– Хватит, – недовольно произнес прокурор. – В конце концов, он сдался именно тебе.

– Вы забыли, что он говорил в последнем слове, – вздохнул Семен Петрович. – «Я хотел, чтоб меня убили». И вспомните, какие показания дали большинство заложников. Он вел себя достойно.

– Все, – закончил разговор прокурор. – При малейшей серьезной зацепке по делу об убийстве Буратино дело принимаешь ты, Петрович. И без возражений. Кстати, Солнцев уже извещен и тоже принял это с большим неудовольствием.

– Как внук? – входя в комнату, спросил пожилой мужчина.

– Улыбается, – ответила молодая миловидная женщина с ребенком на руках. – Как я счастлива, папка! – Подойдя, она поцеловала отца. – И как он всем нравится.

– Еще бы им мой внук не понравился! – Отец осторожно взял ребенка. – Небось Остоцкий он, а не какой-то там Петров. Почты не было, Лена?

– Нет. Я надеялась, что ответят сразу, а прошло уже столько времени...

– Может, не знают, куда его отправить. А может, снова сбежал. Когда я мимо милиции прохожу, рассматриваю пла-

каты «Внимание: розыск». Борис сидеть не будет. И знаешь, после суда он вроде как ожил, даже улыбаться начал. – В дверь позвонили. – Ну и дело будет, если я открою дверь, а там Борис. Честное слово, я не удивлюсь. Кто там?

– Почта, Игорь Петрович.

Ярославская область, Тутаев

– Кировская область, – прочитала молодая женщина. – Котчиха ЮН-83 дробь один, второй отряд. – Она посмотрела на сидевшего в кресле мужчину с маленьким мальчиком на руках. – Наконец-то адрес узнали. Надо написать и выяснить, что ему можно переслать и...

– Тут перечислено, – взяв листок, перебил ее муж. – Только не думаю, что он что-то примет. После суда не взял же ничего. И отmaterил еще, сказал – вам самим жрать нечего, а кто тезку растить будет? Конечно, он прав.

– Я обязательно устроюсь на работу, – сказала женщина.

– Ты должна быть с сыном, ты же мать, Зоя, а на мою пенсию мы долго не протянем. – Он поднялся и, постукивая костылем, вышел из комнаты.

– Миша, – Зоя бросилась за ним, – все будет хорошо. Я обязательно устроюсь на работу, вот увидишь.

– Рано тебе работать. Борьке всего три с половиной года. Почему все так вышло? – Он бросил костыль. – Устал я быть никем и ничем. Понимаешь? Устал! Я больше так не могу. А что делать, тоже не знаю. Мы живем за чертой бедности.

В этот момент послышался стук в дверь.

– Кто-то приехал. – Приподнявшись, Михаил посмотрел в окно и увидел стоящий у калитки «мерседес» и троих крепких мужчин. Один открыл заднюю дверцу, и из машины вышел пожилой мужчина в очках. Посмотрев вверх, он пошел к дому. – Кого еще принесло? – Михаил взял костыль и вышел на террасу. Зоя направилась навстречу мужчине. Тот остановил двинувшегося за ним телохранителя.

– Вы Арсеньевы? – спросил он.

– Да, – ответила Зоя.

– Василий Иванович Шугов. Ваш друг был с моим зятем, они вместе бежали из колонии. Да вы и сами все знаете. Скажите, где сейчас Борис Вулич?

– А вам это зачем? – спросил Михаил.

– Дочь Вихрева, моя внучка, просит найти его. Борис был последним, кто видел Виктора. И Оля хотела бы помочь Борису чем можно.

– Он ни у кого ничего не возьмет, – сказал Михаил.

– Дайте мне его адрес, – попросил Шугов. – Оля съездит к нему и поговорит об отце. Нам даже похоронить Виктора не дали. А Оля очень хочет узнать о последних днях отца. Ведь они спасли и ее, и меня. Получается, что они и бежали для того, чтобы нас спасти. Спасти в полном смысле этого слова. И еще... Я не знаю, как это сказать, чтоб не задеть ваше самолюбие. Я... – Он вытащил пачку сигарет.

– А это еще кто? – Михаил кивнул на подъезжавшую

«ВОЛЬВО».

– Вот чертовка! – Шугов покачал головой. – Обещала не приезжать, но вот она. Внучка моя, – гордо представил он идущую к ним стройную девушку. – Оля Вихрева, мой компаньон! – Он засмеялся.

Кировская область, Котчиха

– Подъем! – крикнул, включая свет, плотный высокий заключенный.

По радио передавали марш «Прощание славянки». Вулич, спрыгнув с койки второго яруса, быстро оделся и выскочил на улицу. Музыка прекратилась, по радио стали передавать утреннюю гимнастику. Вулич, не обращая внимания на насмешливые взгляды и короткие ехидные реплики, делал зарядку. Движения были медленные, плавные.

– Зря скалитесь, – усмехнулся коренастый мужчина. – Видели бы вы, как он машется, сами бы стали так делать. Семь дубаков в пересылке ярославской не могли его уделать. Так он их и не трогал сначала. Начал, когда его зажали в углу. И то просто так, несильно. Мы обалдели. С тех пор его и начали в браслетах везде водить. Хотели статью пришить, но кто-то из начальства видел, что дубаки сами начали. Да и досталось Афгану прилично.

– Доброе утро! – Вера вошла в палату.

– Здравствуйте, – нестройно отозвались четверо лежав-

ших на койках мужчин.

– В чем дело? – недовольно посмотрел на крепкого молодого мужчину полный человек лет пятидесяти в легкой куртке. – Почему до сих пор нет учетчика? Сколько можно говорить, Алин?

– Никак найти не можем, – ответил тот. – Рабочих с намотки снимать не хочется. С обивки тоже невыгодно. План большой, да вы и сами знаете, Антон Викторович.

– Чтоб через час ты мне учетчика представил. – Антон Викторович пошел к своему кабинету.

– Да где его найдешь? – пробурчал Алин. – Или блатота, или работяга классный. Снимешь со станка, и плана не будет. Черт бы побрал вас всех! – Он плюнул.

– Женька, – подошел к нему коренастый мужчина, – слышал я твой базар с мастерюгой. Ты Вулича учетчиком поставь. Ему и блатота по хрену, никому ничего не припишет. А то мужики роптать начали. Эта шобла не пашет, но сто процентов имеет. А Вулич им хрен чего припишет. Он на станках не волочет ни хрена.

– А что, Жека, – обратился к Алину другой заключенный, – это идея. Борис подойдет. Тем более он побегушник, и в случае аврала его не оставят на вторую смену.

– Надо поговорить. – Евгений направился к станку, намазывающему проволоку на большой барабан.

– Ведет он себя нормально, – сообщил по телефону майор. – Конечно, мы задействовали нашу агентуру. Но разговоров о побегах он не поддерживает, ведет себя спокойно. В так называемые семьи не входит, держится особняком. Наверное, таким поведением и заставляет всех относиться к нему нормально. По крайней мере явных врагов у него нет, хотя и друзей тоже. Но работяги уважают Вулича. В азартные игры он не играет. В свободное время читает. Вообще, как говорят в наших местах, один на льдине ломом подпоясанный, – засмеялся он. – То есть живу один, не подходи. Тронешь – лом сниму, и мало не покажется. С администрацией никаких конфликтов. О делах также ничего не говорит. Как только начинается разговор о совершенных на воле преступлениях, сразу отходит. Похоже, ему есть что скрывать.

– Я попрошу вас, – сказал Семен Петрович, – не провоцировать Вулича. Надеюсь, вы понимаете, о чем я. Солдаты-конвоиры нередко любят демонстрировать свою власть и делают это в большинстве случаев необоснованно. Да и другие контролеры не любят независимых зэков.

– Понял. Но это может показаться подозрительным. Среди контролеров, к сожалению, есть и такие, кто из работы делает бизнес. Продает чай, реже спиртное. Или просто помогает блатным выявлять стукачей. Но мы будем держать Вулича в поле зрения и постараемся не допускать произвола по отношению к нему.

– Значит, будешь работать учетчиком? – спросил сидевший за столом Алин.

– А чего ж не работать? – улыбнулся Борис. – В конце концов, это гораздо легче, чем...

– А не боишься блатных? Ведь они любят...

– Я буду честно вести учет продукции.

– Правда, что ты был офицером?

– Офицер – это не звание, а образ жизни навсегда.

– Тебе не предъявляли за погоны?

– Я не пытаюсь нарушать закон зоны. Когда начинать?

– Сейчас.

– Есть! – Вулич вышел.

– Как сказал хорошо, – покачал головой мастер. – Офицер – это не звание, это образ жизни. А ведь верно.

– Хороша шкура! – Плотный зэк проводил взглядом стройную фигуру вышедшей из палаты Веры Георгиевны. – Покувыркаться бы с такой ноченьку. Было бы что вспомнить...

– Базарок среди медбратьев катит, – усмехнулся пожилой зэк, – что у нее с Либертовичем роман. Трахаются они изредка. Ее муж, начальник санчасти, часто ночами дежурит. Вот Либертович и ловит момент. А она, в натуре, ништяк. И главное – неизлагерилась еще. Не то что остальные шкуры.

– А зубничка, – вмешался в разговор лысый толстяк, – очень даже ничего дамочка.

– По сравнению с Чепурных, в натуре, ничего! – хохотнул плотный. – Вера Георгиевна Либертович – баба в полном смысле этого слова. Жалко, испортит ее лагерь.

– Да вот увидите, – усмехнулся мускулистый молодой мужчина, – недельку пролежу, и все, она мне начнет чифу носить. Сколько больничек в зоне прошел, во всех шкуры в белых халатах на меня с улыбочкой начинали на третий день смотреть. И чаще других меня к себе в кабинет звать. Вроде как для осмотра, – подмигнул он слушавшим его соседям по палате. – Вот и с этой все пучком будет.

– Не думаю, – возразил крепкий мужчина лет пятидесяти. – Вера Георгиевна и человек хороший, и врач путевый. И не надо к ней липнуть, можешь себе лапти сплести.

– Да все пучком будет, – самоуверенно повторил мускулистый.

– А что? – хмыкнул лежавший на койке смуглый здоровяк. – У Кота, в натуре, сколько романов на зонах было. Даже с начальником санчасти на «шестерке» в Краслаге. Из-за этого и перевели его сюда. А там все было – грев приличный и вышел бы раньше. У него...

– Хорош, Мулат, – остановил его Кот. – Я все равно скоро выйду. Напою ей, что с собой заберу, и ноги раздвинет...

– Так бы и все делали, – усмехнулся сидевший у окна парень. – Верунчик хрен на это купится. Не пытался бы ты, Кот, а то нарвешься на неприятности.

– Неделя сроку, и сами все увидите, – ответил Кот.

– Слышь, Афган, – трое крепких парней подошли к сидевшему на нижнем ярусе койки Вуличу, – тебя Бурлак зовет.

– Если нужно, пусть сам идет, – намазывая на кусок черного хлеба маргарин, спокойно ответил тот.

– Да ты что, мужик, – шагнул к нему один из парней, – не заблатовал ли, случаем, погонник? А то с ходу сейчас масть поменяем, и будешь под...

Взметнувшаяся нога угодила ему в низ живота. Издав сдавленный стон, он осел и ткнулся лбом в матрац. Двое других отскочили назад. Находившиеся в помещении заключенные затихли и с интересом наблюдали за происходящим. Вулич продолжал намазывать маргарин на хлеб. Парни осторожно подошли к мычащему третьему и вытащили его в коридор.

– Ну, Афган, – раздался голос, – нашел ты себе проблемы. Бурлак сейчас костоломов пришлет, и будешь ты похож на...

– Не бойсь, земляк, – поднявшись, усмехнулся седой мужчина, – не дергайся, я сейчас разберу этот рамс.

– Барон сможет, – тихо проговорил мужчина с койки напротив. – Он в козырных ходит, его слово вес мает.

– Спасибо, – усмехнулся Борис. – Но защита мне не нужна. Я сам...

– Спасибо в зоне не говорят, – покачал головой Барон. – Спаси свою задницу, – он засмеялся, – так обычно отвечают

на подобную благодарность.

– Я его, суку, – застонал, приходя в себя, избитый Вуличем, – раком поставлю и...

– Бурлак, – парень подошел к сидевшему по-турецки на нижнем ярусе койки плотному мужчине, – тебя Барон кличет.

– Где он? – недовольно спросил Бурлак.

– У локалки.

Проворчав что-то, Бурлак сунул ноги в тапочки и вышел.

– Короче, ты понял, что делать, – говорил невысокому парню смуглый мужчина. – Тебе только режим поменяют. Да и то навряд ли. Двадцатку имеешь, отсидел год. Ну вот и получишь двадцатку назад, и все дела. Зато везде будешь все маять. И долг спишется, и бабки получишь. В любой зоне грёв будешь получать. Конечно, если ментам стуканешь, долго не проживешь, на этапе завалят. И...

– Да все путем, Исмаил, – перебил его парень. – Сделаем мы этого падлу. И не возьмут никого. Не впервой такие дела...

– Удачи!

– Завтра на промзоне мы его и замочим, – парень усмехнулся, – производственная травма.

– Короче, прекращай, Бурлак, – посоветовал Барон. – А то

Афган запросто твоему баклану предъявить может. Надеюсь, ты помнишь, кого и за что раком ставят?

– Да просто блатанул Валет, – ухмыльнулся Бурлак. – Я с ним сам почирикаю. А чего это ты за Афгана мазу держишь? Он погоны носил и сейчас учетчиком стал. А ты...

– Он мужик по масти и выше положенного не лезет. У тебя вот Лупатый в бригадирах ходит, и ты с ним вроде как кентуешься. А бригадир – порода сучья. – Барон усмехнулся и пошел в барак.

– Слышь, Барон, – остановил его кутивший у двери невысокий молодой мужчина, – зря ты...

– Граф, – посмотрел на него Барон, – ты помнишь статьи, за которые сидишь? Базар есть – скоро на дальняки братию погонят. Там тебе это запросто предъявить могут. Родичи далеко будут и подогреть не смогут. Так что лучше не лезь. Шаха скоро уберут, а настоящий вор придет и наверняка спросит, как это ты с такой статьей...

– Да подставили меня! – воскликнул Граф.

– Я не народный суд, – засмеялся Барон, – и с тобой не кентуюсь. Другие твой грех получают, а я обхожусь. Ты Шаху подогревы хорошие даешь, поэтому и благуешь. Живи по жизни, Саша. – Барон вошел в здание.

– Значит, ты была у Ирки? – переспросил высокий молодой мужчина в форме капитана медицинской службы МВД. – А я думаю, что-то моя милая задерживается! – Он

обнял Веру и поцеловал. – Почему я не чувствую твоего темперамента?

– Знаешь, Витя, – вздохнула Вера, – к сожалению, все складывается не так, как я хотела. Ты в свое время говорил совсем другое...

– Но сейчас я начальник медсанчасти. Пять лет проработаем и уедем отсюда куда-нибудь поближе к центру. Деньги будут.

– Я это слышу с тех пор, как ты уговорил меня поработать в колонии, – вздохнула Вера.

– Но ты же согласилась. А я предлагал тебе устроиться в поселковой больнице.

– Скорее бы прошли эти пять лет. Скажу откровенно, мне очень неприятно работать в колонии. Но я все выдержу. Главное, мы вместе.

– Я люблю тебя, – вздохнул Виктор. – И у нас все будет хорошо.

«А это мой шанс», – лежа на втором ярусе, думал Борис. Он услышал, как открылась дверь. В секцию вошли контролеры в сопровождении дневального.

– Он тут, – прошептал дневальный, подводя прапорщика и солдата к двухъярусной койке. Прапорщик осветил лицо Вулича.

– В чем дело? – делая вид, что его разбудили, проворчал Борис.

– На месте. – Отметив в списке галочкой его фамилию, прапорщик вернулся к двери.

«По два раза за ночь проверяют, – мысленно усмехнулся Борис. – И начальник колонии после распределения по отрядам предупредил – о побеге даже не думай. Я не думаю, а начинаю готовить побег. Уж извините, гражданин кум, но я просто обязан уйти. Я не буду сидеть в плену, я уже был у чехов. Но теперь я уйду и буду жить. Я знаю, что делать».

Москва

– Слушай, Саид, – недовольно проговорил тучный узкоглазый мужчина, – пока он молчит, мы на свободе. Он на верняка...

– А я думаю, – перебил его сидящий на коврике казах, – что ничего делать не надо. Он молчит, и все. Не заговорил же он на следствии. И кроме того, если с ним что-то произойдет, менты могут ухватиться за ведущую к нам ниточку. Поэтому...

– Чингиз, – остановил его полный, – следствие по делу Буратино не закончено, значит, этого Афгана будут терзать и терзать. Потом предложат ему выбор: он рассказывает все, что знает, а дело об убийстве будет повешено на убитого. В этом случае Афган расскажет все. Его надо убирать.

– Вообще-то я считаю, – сказал лысый здоровяк, – что ты, Эмир, прав. Мы уже нашли исполнителей. Они сказать ничего не смогут, потому что за ними страшный по лагерным за-

конам грех – фуфло, проиграли и не заплатили. Сроки у них приличные, к тому же они собираются убрать его, устроив как бы несчастный случай. Такое в зонах частенько бывает.

– Ну, если несчастный случай, – усмехнулся Чингиз, – то, конечно, это подойдет.

Ярославль

– Подождите, – растерялся Михаил, – так вы нам действительно предлагаете...

– Стреляй, – кивнул рослый мужчина в очках.

Михаил, вскинув руку с ПМ, сделал восемь выстрелов. Рослый нажал на кнопку, и мишень стала приближаться.

– Отлично! – удивился рослый. – Только вот нога у тебя, – он посмотрел на искалеченную ногу Михаила, – а стреляешь здорово...

– Значит, не подхожу? – вздохнул Арсеньев.

– Хозяин решать будет. Мне велели проверить, я свое сделал. А стреляешь ты отлично.

– Знаешь, Зоя, – удивилась Ольга, – я никогда не видела, чтобы так быстро деньги пересчитывали. Все, – засмеялась она, – беру тебя к себе. А вот с Михаилом, к сожалению, будут проблемы...

В кабинет без стука вошел рослый.

– Извините, но этот парень, – кивнул он на Михаила, – говорит, что в приемной...

– Секунду, – остановил его Арсеньев и достал из кармана маленький аппарат. Когда он повернулся к стене, две красные лампочки аппарата замигали. Михаил подошел к висящей на стене картине и осторожно приподнял ее. Остальные с интересом наблюдали за ним. Он вытащил приклеенный к картине «жучок». – У вас есть партнеры по бизнесу, – улыбнулся он, – но и конкуренты тоже.

– Я думала, такое только в кино возможно. Решено, – сказала Оля, – вы оба будете работать у меня. Я не могу терять таких людей. Вы где предпочитаете жить? В квартире или в частном доме?

– Вы это серьезно? – внезапно осипшим голосом спросил Михаил.

– Такой серьезной я не была еще никогда, – ответила Ольга.

Кировская область, Котчиха

– Слушай, – Борис дал закурить невысокому молодому мужчине с заметной плешью, – значит, именно ты сбиваешь барабаны. Один?

– Конечно, один. Это как раз то, что мне надо, не терплю компании. Ты, как я заметил, тоже сторонишься всех. Чифир будешь?

– Давай. Скажу честно, сначала чифир мне очень не нравился. А потом привык, и вроде даже какая-то бодрость появляется. А без чифира...

– Кумар, – улыбнулся плешивый. – Володька, – протянув руку, назвал он себя.

– Борис, – представился Вулич.

– Ты учетчик, – усмехнулся Владимир. – Дерешься здорово и не испугался бакланов. Бурлак сам по себе пыль. Он местный, как и Граф из нашего отряда. Его предки классно греют. Поэтому блатные его и держат рядом. А попадет на дальняк, сразу блатовать перестанет. У него пять статей, одна за изнасилование. А это в зонах не катит, за это спрашивают. Пойдешь по этапу, и тебе могут предъявить учетчика. Ничего такого нет, но если попадется кто-то на тебя злой, предъявит и могут получить.

– Чего получить? – удивился Вулич.

– Поломают немного, – рассмеялся Владимир. Вытащив из кружки кипяtilьник из двух бритвенных лезвий, он засыпал в закипевшую воду чай и закрыл железной крышкой. – А эти штуки крепят барабан. – Он поднял метровый прут с резьбой. – Четыре суешь и закрепляешь. Видишь? – Он кивнул на готовый барабан.

– Интересно... – Борис подошел к барабану, похожему на огромную катушку. – А как крепится середина?

– Да вот, – Владимир показал на один круг барабана с четырьмя штырями, – вставляешь штыри с двух сторон, закрепляешь гайками с прокладкой. Затем оббиваешь по малому кругу досочками, делаешь шею, на которую наматывается провод, и затягиваешь гайки до упора. А в вашем цеху

станок наматывает провод.

– И куда эти барабаны отправляют?

– В Кирс, на завод. Они заказы делают.

– Понятно.

– Чего расселись? – В цех вошел прапорщик-контролер.

– Да вот курим, – ответил Владимир.

– Ты Вулич? – посмотрел на Бориса контролер.

– Борис Леонидович.

– Ты особо не шатайся, у тебя красная полоса, значит, склонен к побегу. Да ты, говорят, уже в бегах был. Как ушел-то?

– Не помню! – рассмеялся Борис. – Пьяный на машину залез, там игрушки лежали, и уснул. Проснулся на воле. Не идти же назад.

– Мутишь ты, Афган! У тебя статьи дай Бог – оружие и захват заложников. Здесь даже не пытайся уйти, пустой номер.

– Да это и слону понятно, – согласился Вулич. – Здесь кругом зоны, сразу наткнешься...

– Да и с зоны не выйдешь. Давай в цех и особо не шатайся.

– Вера Георгиевна! – Кот, потянувшись, встал с койки. – Что-то у меня тут давит, – коснулся он груди слева. – Может, проверите мое состояние? А то скоро на волюшку, не хочется больным выходить. Что вы скажете, если я приглашу вас в Красно...

– Послушайте, Котов, – спокойно перебила его Вера, – ва-

ше здоровье в полном порядке, вы выписаны.

– Как выписан? – удивился Кот. – Я себя очень плохо чувствую. И сердце болит, и одышка задолбала. Вы не имеете права меня, не долечив, выписывать. Я напишу жалобу в...

– Пишите куда желаете. – Вера повернулась к другому пациенту. – Вы, Морсин, тоже выписаны. Правда, будете принимать таблетки...

– Наверное, муж удовольствия не доставил, – усмехнулся Кот, – потому вы и наезжаете на настоящих мужиков. Ох и приласкал бы я тебя, доктор! – Шагнув вперед, он положил ладонь ей на плечо. Вера схватила его руку и резко наклонилась вперед. Взыв от боли в вывернутой кисти, Кот упал на живот. Вера завела его руку за спину. Стоявший около двери санитар растерянно топтался на месте.

– Нападение! – истошно закричал он.

По коридору бежал контролер с дубинкой.

– Я тебя, шкура ментовская! – вопил Кот. – Спецом приеду и отдеру по полной программе! Я просто остановить ее хотел! – крикнул он ударившему его дубинкой контролеру. – А она на прием меня! Бей, ментяра! Я прокурору жалобу накатаю. Сейчас не советская власть, вас тоже под статью подведут!

Вера Георгиевна быстро вышла.

От вахты к больнице бежали несколько контролеров с дубинками. Виктор бросился к жене.

– Что с тобой?

– Да все нормально. Он говорил мне гадости, а потом положил руку на плечо. Я справилась.

– Убью гада! – Увидев Кота, которого выводили из палаты, Виктор рванулся к нему.

– Не надо! – Жена схватила его за руку.

– Да она просто одурела! – закричал Кот. – Я просто хотел ее спросить, почему выписали! А она...

– Замолчи! – сильно заломил ему руку контролер.

– А-а-а! – завопил Котов. – Вы мужиков спросите!

– Вот и соблазнил, – сказал один из обитателей палаты, где произошел инцидент. – Лихо она его сделала! Как же, увез он ее с собой!

– Хватит ржать! – В палату вошел дежурный капитан. – Что здесь произошло?

– Что-то в больнице случилось, – кивнул на бегущих контролеров идущий рядом с Вуличем Владимир.

– Наверное, Чепурных кто-то оттрахал, – слышался голос.

– Разговорчики! – гаркнул прапорщик.

– Вот, – Вера положила на стол листок бумаги, – я написала, как все произошло.

– Но Котов утверждает, что он просто дотронулся до ва-

шего плеча, – сказал сидевший за столом плотный майор со шрамом от ожога на щеке.

– Я изложила все так, как было. Еще вопросы ко мне есть?

– Пока нет.

Вера вышла.

– Язва! – улыбнулся майор и, едва дверь за врачом закрылась, выматерился. – Демократия, мать ее в душу! Теперь нас больше, чем зэков, прессуют.

– Ты, сучонок, заблатовал! – Старший лейтенант ударил скованного наручниками Кота. – Женщину оскорбил, за плечо схватил. Думаешь, пятнадцать сутками шизника отделаешься? – Он снова ударил Кота в живот.

– Бей в морду, ментяра позорная! – взвыл Кот. – Боишься, падла, что следы останутся? Я вас один хрен достану! Дело не пришьете, за меня все говорить будут. Я сейчас ксиву прокурору накатаю и в организацию по защите прав осужденных!

– Пиши, гнида! – Старлей плюнул ему в лицо. – Дело на тебя заведут, санитар дал показания. Так что осталось тебе полгода плюс пять как минимум. Не скоро ты, гнида, небо без клетки увидишь.

– Хрен ты угадал, ментяра! – заорал Котов. – Я через полгода на воле буду! С тобой, сука ментовская, пересекутся пути-дорожки! Кишки свои жрать...

Резкий удар под подбородок бросил его на спину.

– В камеру его, – приказал старлей.

– Зря ты его по морде саданул, – сказал вошедший в дежурку штрафного изолятора майор с обожженной щекой. – Вдруг дело заведут? Да и батя у него какой-то из новых русских. Ему за двойное убийство дали пять лет. Половину уже скинули. К нам он с годом пришел. Там любовь у него с начальником санчасти была. Ее выбросили, а его сюда. Зря ты его шарахнул.

– Так он сам бросился, – проговорил старший прапорщик.

– Бармин, – позвал кто-то от двери. – К Заеву!

Майор вышел.

– А я говорю, гражданин начальник, – заявил санитар, – что так все и было. Он Веру Георгиевну Чепурных сначала обозвал, а потом схватил за плечо. Ну, она его... – Он робко улыбнулся.

– Что делать будем? – спросил худошавый майор.

– Да не доказать ничего, – недовольно отозвался Бармин. – Он сошлется на тех, кто в палате был. Сейчас им верят больше, чем нам. К тому же вы видели его дело. Отец...

– Так, – вздохнул начальник колонии, – до конца ему осталось пять месяцев и четыре дня. В ШИЗО на пятнадцать суток с переводом в ПКТ.

– Абсолютно правильно. А Чепурных молодец баба! – Бармин засмеялся. – Над Котом смеяться вся зона будет. Молодец лейтенант!

– Надо усилить дежурство в больнице, – напомнил начальник.

«Значит, может получиться, – думал Борис. – Посмотреть погрузку надо. Узнать, когда будут грузить. Уйду. Спасибо тебе, Володя».

– Афган, – позвал его Алин, – чифирить будешь?

– А с чего это ты вдруг приглашаешь? – улыбнулся Борис.

– Теперь мы вроде как коллеги.

«Узнаю от него и о погрузке барабанов, – подумал Вулич. – Он-то наверняка в курсе».

– Как ты, Вера? – заботливо спросил Виктор.

– Нормально... – Она слабо улыбнулась. – Понимаешь, как будто чего-то мерзкого коснулась. Я пауков боюсь. И вот сейчас такое чувство, будто меня коснулась большая лапища, вся в паутине.

– Успокойся, осталось немного. Мы обязательно отсюда уедем.

– Скорей бы. Поступая в институт, я мечтала совсем о другом. Наверное, в зоопарке легче работать, там животные. А здесь пусть преступники, но ведь люди. Впрочем, их теперь и людьми назвать трудно. Но приходится помогать, лечить.

– Вера, начальство тебе предлагает дня два-три дома побыть.

– Нет. Уйти сейчас – значит, показать свой страх. И он наверняка останется во мне. Нет, я буду работать. Сейчас продолжу обход. И не надо меня сопровождать.

– Ну и что? – спросил Седых сидевшего перед столом заключенного.

– Да ничего он не говорит, – ответил тот. – Вообще разговаривает мало. Ничего о себе не рассказывает. Его спросили, как он сбежал, ответил – по пьяному делу залез в грузовик и уснул. Проснулся на фабрике.

– По пьянке, значит, ушел, – усмехнулся начальник оперативной части. – Но ты словно невзначай поспрашивай тех, кто с ним этапом пришел, может, кто чего и знает.

– Молчит он в тряпочку, – махнул рукой худощавый светловолосый парень. – Вообще ничего о себе не рассказывает. Даже тем, кто воевал. Лугарин в Чечне был, Полин в Афгане. Он и с ними не базарит. Про стычку с Валетом знаете?

Бармин кивнул. Вытащил пачку чая, две пачки сигарет и подвинул по столу парню.

– Сладкого бы чего-нибудь, – несмело попросил тот. – А то...

– Как что-то путное о Вуличе стуканешь, получишь две пачки сахара, а я тебя чаем с тортом напою. Топай! – Бармин махнул рукой. Парень вышел.

Красноярск. УВД

– Да я без понятия, что там эта дамочка пишет. – Майор Пискунов пожал плечами. – Не было ничего подобного. Вы же знаете, товарищ полковник, у меня с этим строго. Даже малейшее нарушение закона обязательно фиксируем...

– Да не всегда, – покачал головой полковник милиции. – Чаще ты, Пискунов, сам все заминаешь. На тебя жалоб вагон и маленькая тележка. Удивляюсь, почему ты все еще работаешь. А между прочим, письмо прислала лейтенант медицинской части исправительной колонии. И пишет, как...

– Да мало ли что она там пишет, – усмехнулся майор. – Наслушалась эков и решила детективный роман написать, сейчас это модно. Сколько баб-писательниц развелось. И она небось тоже...

– Но она указывает точное время и место, – перебил его полковник. – Сейчас разбираются с дежурными. Мы все выясним. И если снова что-то обнаружим, тобой займется служба собственной безопасности. Свободен пока, – махнул он рукой на дверь.

Пискунов, козырнув, вышел.

– Сучка! – процедил он. – Молчала бы, лечила эков, а все за справедливость бороться желает. Я те, сучка рваная, поборюсь. Надо выяснить, кто она такая. – Майор достал содовый телефон.

– Да, было такое, – кивнул молодой мужчина. – Этот млад-

ший сын лесного барона девочку под нож поставил, а женщина молодая, симпатичная такая, вступилась. Но Пискунов забрал девочку и парня. И все, женщина на поезд побежала, а парня этого Рожков и Костюков в машину посадили.

– Привет, Степан, – кивнул рослый парень.

– Чего надо? – продолжая полоть грядку, недовольно спросил крепкий молодой мужчина.

– Слушай сюда, Торопин. Помнишь, на той неделе парень девочку напугал в переходе? Еще бабенка какая-то тогда вмешалась...

– А ты что, – усмехнулся Степан, – адвокат того волчонка? Так его папа...

– Забудь, что тогда было, или сгорит твоя дачка вместе с твоими бабами – женой и двумя дочурками.

– Слушай, пес! – Торопин шагнул к забору и замер, увидев в руке парня пистолет с глушителем.

– В общем, вот что, Торопин, – вышел из джипа еще один парень, – это тебе за молчание. Ничего не видел, ничего не слышал. А рот откроешь – твоим девчатам хана. Понял? – Он бросил к ногам милиционера пачку евро и вернулся к машине. Торопин посмотрел вслед тронувшемуся джипу.

– С чего это они вдруг забеспокоились? – тихо пробормотал он.

– Степа, – выглянула из двери домика молодая женщина, – кто это был?

– Дорогу спрашивали, – ответил он и, присев, поднял деньги. Выпрямившись, вздохнул. – Лучше промолчать. Надо Семенову позвонить, а то полезет сдуру и пришьют точно. Король за сына своего мазу держит. Старший сидит. Но говорят, скоро выйдет. Двоих, сука, убил, а устроили, будто было лишь превышение самообороны, и дали пять лет да половину еще скинули. Скоро объявится, – поморщился он. – Вообще полный беспредел. И в зоне никак не пришибут гада! – Он сплюнул. – Как фамилия этих Королей? Надо позвонить Семенову. – Бросив мотыгу, он пошел к домику.

– Ну спасибо, дорогая, – довольно улыбаясь, кивнул Пискунов. – С меня духи французские. – Отключив сотовый, он вытащил записную книжку. – Вера Георгиевна Чепурных. Кировская область, Котчиха. Лейтенант, врач-терапевт. Это та крутая бабенка, которая Ромку взяла. Учат их там, что ли? – усмехнулся он. – Ножа не испугалась и еще писать начала. Готова дать свидетельские показания, стервоза хренова. Я тебе устрою показания! В Киров позвоню и все узнаю об этой спортсменке. А патруль говорил, что она очень даже симпатичная и смелая. На бандита с ножом бросилась. Но мы с ней разберемся.

– Но я уже дал показания, – сказал по телефону мужчина в спортивном костюме. – Меня вызвал Антин из службы собственной безопасности, и я рассказал, как было. А ты что

вдруг засуетился?

– Зря ты, Семенов, – ответил Торопин. – Тут приезжали ко мне, посоветовали не подтверждать, что такое было. Пять сотен евро дали. И тебе дадут. Иначе, говорят, и семье кранты, и самим не жить. Ты бы отказался, ведь...

– погоди, Степан, – остановил его Семенов, – значит, ты не подтвердишь мои показания?

– Нет, конечно. Мне жена и дочери дороже правосудия. Я только вот не пойму, с чего это вдруг копаться начали? Наверное, Пискун где-то засветился. Но откуда про это дело узнали? Может, родители той девчонки шум подняли? А теперь получается нескладно. Выходит, мы с тобой будем разное говорить.

– Смотри, Степка, попадешь под статью. Сейчас, сам знаешь, зачистку в наших рядах проводят. Да и давно пора. Это ведь шанс с Пискуном кончить. Помнишь, ты сам сколько раз говорил – вот бы Пискуна прижали и подручных его, Рожкова и Костюкова. Так что думай сам. Я от своих слов не откажусь. А начали, видно, потому, что кто-то заявление дал. Наверное, девчонка в себя пришла.

– Ну как же! – фыркнул Торопин. – Ей триста евро сунули. А тут возвращать придется, иначе как она объяснит, что было нападение? Я буду отказываться. Не видел я ничего, – вздохнул он.

– Значит, будем разбираться, – усмехнулся Семенов. – Я от своих слов не откажусь.

– И тебя убьют, и меня! – крикнул Торопин.

– Я сейчас же позвоню подполковнику Инитину и все ему расскажу. – Семенов отключил телефон и набрал другой номер.

– Положи на стол, – услышал он голос сзади. Повернувшись, увидел двоих парней. У одного был пистолет с глушителем. – Зря ты, Семенов, – усмехнулся первый. – Все можно сделать легко и просто – сказать, что ничего подобного не было, получить бабла немало, и будешь жить на большой. Если нет, то сейчас тебя шлепнут, и все дела. Что решать будешь?

– А что решать, – пожал плечами Семенов. – Показания я уже дал и отказаться от них не смогу. Так что стреляй, сучье вымя! – Он шагнул вперед. – Пискун, когда его прихватят, скажет, кому заказ дал. Так что стреляй.

Переглянувшись, парни рассмеялись.

– Ты подумай, – сказал один, – заявления от потерпевшей нет и не будет. И все это само собой прекратится. Бабу, которая готова показания дать, уговорят этого не делать. Так что если ты откажешься от своих...

– И не подумаю, – не дал договорить ему Семенов.

– У тебя сутки. Ровно сутки. Время пошло!

Парни вышли. Семенов молча смотрел им вслед. Прозвучал вызов сотового.

– Не думай долго, – услышал он насмешливый мужской голос. – Лучше потерять работу, чем сына. – И телефон от-

ключился.

Северо-Енисейск

– За что Господь покарал меня?! – подняв голову, орал высокий седобородый мужчина. – Дал мне двух сыновей-идиотов. Вот чего тебе не хватает? – взглянул он на вжавшегося в кресло Романа. – Чего не хватало твоему братцу?! Я на его освобождение потратил сто тысяч долларов! Чтобы сделать ему статью не за убийство, а... – Не договорив, он махнул рукой. – Тебе надо было просто показать дочь Азова двум парням, и все. А ты полез за ее деньгами. Идиот! – Он хлестнул сына по щеке.

– Папа! – закрываясь руками, воскликнул тот. – Прости! Ты же знаешь, Томка мне давно нравится. Я и решил ее запугать, чтобы...

– Господи, какой же ты болван! Вот что, сейчас отсюда никуда. Звонил Пискун и сообщил, что та баба, которая тебя обезоружила, прислала письмо в прокуратуру с кратким изложением произошедшего. Она готова дать показания. Но это мы утрясем. Не думал я, что такие еще существуют.

– Понятно, – кивнул мужчина в штатском. – Значит, не было ничего? Ну что ж, иди, Торопин. А я тебя мужиком считал.

Шагнувший к двери Степан остановился, взглянул на него и опустил голову.

– Хорошо, – пробормотал он, – я все скажу. Приходили ко мне, видать, от Короля. Напугать хотели, и получилось у них. Бабки дали. Вот... – Он положил на стол пачку евро. – Я позвонил Семенову и...

– Пиши! – Сотрудник управления собственной безопасности положил на стол лист бумаги. – Ты этих двоих знаешь?

– Да шестерки они у Кота-старшего. Раньше часто на вокзале ошивались. Сейчас их почти не видно. Вы, товарищ подполковник, лучше займитесь Пискуновым и его псами – Рожковым и Костиковым.

– Уже занимаемся, – ответил подполковник.

– Пискунова нигде нет, – недовольно сказал по телефону плотный мужчина. – Похоже, слинял, сука.

– Оставь людей, – услышал он. – Рожкова и Костикова тоже нет. Но далеко уйти им не удастся. Надо было раньше Костюкова брать, когда он... – не договорив, собеседник выругался. – Пискун, гнида, свинтил. Ну почему его сразу не взяли? Выходит, сейчас они под крылышком своего господина, к Котову наверняка поехали. Хотя Пискунов ведь понял, что их возьмут, значит, они где-то отсиживаются. Ладно, будем искать.

– Черт! – Пискунов отпил из горлышка пива. – А все сучка эта. Ведь все вроде затихло, девка даже не пикнула. И все было бы тихо, если б не эта медичка. Короче, вот что, – кив-

нул он двоим крепким молодым мужчинам. – Сейчас надо отсидеться пару недель. Может, и больше. А потом делаем документы и к чертовой матери отсюда. Но сначала получим бабки с Короля.

– Вот это правильно! – Рослый блондин снял пробку с бутылки. – А еще лучше в долю с ним войти. Он тоже долго здесь не пробудет. А мы все-таки из-за него повисли на крюке. Пусть, во-первых, за это рассчитается, а во-вторых, если не возьмет в долю, мы и стукануть можем. Как ты на это смотришь, Пискун?

– Слушай, ты, – процедил тот, – не зарывайся. Я...

– Хватит жути гнать, Пискун! – насмешливо фыркнул блондин. – Сейчас мы на равных. Из-за тебя мы в это дерьмо вляпались и теперь...

– Слушай сюда, Костюков, – зло перебил Пискунов, – на равных я с тобой никогда не был. Ты благодаря мне не только, как ты говоришь, в дерьмо вляпался, а имел приличные бабки. Забыл о...

– Хватит вам, – остановил его крепкий, наголо стриженный мужчина. – Ты, Костюков, зря благовать начал. Правильно говорит Юрий Антонович, нам надо сейчас думать, как дальше быть. Без него нам с тобой хана. Так что давай не будем выпендриваться. Думаешь, Король поможет? – усмехнулся он. – Хренушки угадал. Ты и я для него пыль. А насчет того, что стуканем, так он нас просто утопит в трясине, и все дела. Да и самим нам про это говорить без выгоды. Ес-

ли сейчас хапнут, может, просто вышибут, и все дела.

– Да хорош тебе, Рожков! – засмеялся Костюков. – Как будто мы не знаем, почему куркуемся. Если бы просто вышибли из ментовки, да и хрен на нее. А мы понимаем, что начнут копать, и тогда много чего узнают.

– Именно поэтому и надо иметь Пискунова шефом, – сказал Рожков.

– Ну ладно, извини, – покосился на майора Костюков. – А ты, Валерка, рассуждать научился. Только нам надо где-то бабки рубить и валить отсюда в темпе. Я предлагаю связаться с Королем и нажать на него. Ведь вся бодяга из-за его сына началась.

– Это само собой, – кивнул Пискунов. – Но давить особо не стоит. Король нам очень даже понадобится. Ему люди нужны, и мы этим воспользуемся. Правда, попозже. Сейчас опасно. Наверняка нас у него ищут. Отсидимся здесь, ни одна собака не знает об этом месте.

Северо-Енисейск

– Да вы чокнулись, капитан! – рассмеялся, куривший трубку Король. – Откуда у меня возьмутся Пискунов с двумя лейтенантами?

– Они прапорщики, – поправил его коренастый капитан милиции. – И они работают на тебя. Где Пискунов?

– А я думал, милиция работает на государство. – Усмехнувшись, Король выпустил дым ему в лицо. – Или сейчас

на себя? Неужели и Пискунов тоже скурвился? А ведь вроде считался одним из...

– Слушай, Котов, – процедил капитан, – ты что-то слишком приборзел, пора за тебя браться. Мы...

– Я сейчас вызову адвоката, и ты завтра даже в ДПС работать не будешь. Надеюсь, ты верно оценишь ситуацию и уберешься. В этих местах я король и делаю все, что хочу. Могу убить тебя, и никто не узнает, где могилка твоя.

– Зажрался ты, Котов, – сказал капитан. – И действительно возомнил себя неизвестно кем.

– Почему же возомнил? – засмеялся Петр Данилович и снова выпустил дым в лицо милиционеру. – Вот ты меня убить готов, а терпишь. Нет у меня Пискунова. Но если появится, отдам. И не обижайся, Капин. Ведь ты получал от меня немало, многое делал для меня. Так что мне просто нравится указывать таким, как ты, их место. Пошел вон! И передай Гудкову, чтоб прислал настоящих ментов.

– Передам, – процедил Капин и, играя желваками, вышел.

– Вот паскуда, – прошептал старший сержант милиции. – И неужели вы, товарищ капитан, так это и оставите? Надо его...

– Закрой рот, щенок! – отрывисто бросил Капин и сел в «уазик».

Глядя в окно, Котов криво улыбнулся:

– Значит, Пискун со своими в бега подался. Надо будет этим воспользоваться. Костюков и Рожков – лихие мужики и

деньги любят. Точнее, моего брата использовать надо. Они приятели с Пискуновым.

Пит-городок

– Да черт его знает, где он, – пожал плечами плешивый мужчина. – С ним мы знакомы, но никогда особенно не общались. Если вдруг объявится, я вам стукну. А он, значит, все-таки на статью УК раскрутился. Что же он такого сделал-то?

– Да пока вроде ничего, – ответил старший лейтенант милиции. – Но запросто может и на срок нарваться. В бега он ушел. Дело, похоже, не завел на сына Короля. На младшего.

– Вот оно что... Понятно. Кто же его подставил?

– Да баба какая-то. – Оглянувшись на двор, где курили двое милиционеров, старлей понизил голос: – На вокзале Роман Котов какую-то девочку под нож поставил, а его баба сделала. И уехала. Потом письмо прислала. Мол, готова дать свидетельские показания. Ну и завертелось. Вот майор и попал под раздачу.

– Понятно. Значит, в бега подался? Нормалек. Но из-за этого он бы под статью не попал. И с чего это вдруг...

– Разговор идет, еще кое-что есть на Петра Даниловича. То есть на Юрия Антоновича, – поправился милиционер. – Я что-то слышал и про Котова, вот и сидит в голове, – объяснил он свою ошибку.

– А что, копают под Котова?

– Вроде да, – тихо ответил старлей. – Сейчас Пухов уехал в отпуск, вот и торопятся подцепить Короля, – хихикнул он. – Но Король мужик с башкой, и хрен его на дешевку купишь.

– А ты, Куприков, похоже, знаешь себе цену, – усмехнулся плешивый.

– Ты, Тимофей, зря с братом не ладишь. Петр Данилович мужик с башкой.

– Это тебя не касается, – отрезал Котов-младший. – Мы сами как-нибудь разберемся в своих отношениях. Убедился, что Юрки нет? Или будешь в засаде сидеть?

– Хорош ехидничать. – Старлей вышел.

Тимофей рассмеялся, но тут же замолчал.

«Кретин! – мысленно обозвал он Пискунова. – На кой хрен так вляпался? А ведь все вроде хорошо шло. И сбежал ты, конечно, правильно. Потому что твои собаки запросто могли расколоться. Хотя им это тоже невыгодно, но камера на трусов действует как гипноз, и они начинают выкладывать многое. А если еще менты надавят, вообще караул. Ко мне ты правильно не сунулся».

Красноярск

– Понятно? – спросил Пискунов. – Дорога оплачивается. Пятьсот рэ суточные на двоих, – усмехнулся он. – Так что вперед и с песней.

– Погоди, – сказал коротко стриженный парень в темных очках, – а за риск? Мы же вроде как соучастники сейчас.

Знаем, где ты находишься, и...

– Слушай, Лепень, – зло прервал его Пискунов, – ты ба-
зарь, да не зарывайся! Тебя, сучонка, сколько раз я отмазы-
вал? Забыл?

– Твое заступничество довольно дорого стоило! – захохо-
тал парень. – Ну а если уж так дело повернулось, то слушай
сюда, мусор. Тебя шарят твои коллеги. И мы запросто можем
тебя сдать. А это, – он помахал купюрой, – мы отдадим и
расскажем, зачем ты нас послал на эту самую Котчиху. Так
что завтра тащи десять кусков зелени, и мы тебя не знаем и
не видели.

– Вот как? – Пискунов покачал головой.

– А ты думал? – Лепень подмигнул стоявшему у двери
крепышу. – Скажи, Дорога, давай...

– Тебе, мусор, что, – шагнул тот вперед, – непонятно, что
делать надо? Волоки бабки, а то мы сейчас тебя, суку, спе-
ленаем и твоим кентам отдадим. Так что...

Он успел услышать сзади шорох. Нож полоснул его по шее
в области сонной артерии. Второму пуля из пистолета с глу-
шителем вошла в затылок.

– На кой хрен ты их звал? – спросил Костюков.

– Хотел узнать насчет Чепурных этой, – зло ответил Пис-
кунов. – Они пару раз такие поручения выполняли. Просто
сейчас расчувствовались, ну и...

– Да хрен на них, – спокойно заметил Рожков. – Валим, и
все. Нас тут никто не видел, и это нам не прищуют.

– Ствол оставь, – сказал Костюков. – А то если возьмут...

– Хренушки не хочешь? – огрызнулся Рожков. – Я на пожизненное не пойду. Пусть лучше пристрелят.

– Сколько лихих ребят так базарят, – насмешливо произнес Костюков, – а потом сидят как миленькие и лапки поднимают – только не убивайте. Хрен с ним, с пожизненным, лишь бы жить. Помнишь Сашку Орла? Он же божился, что живым не сдастся. А лапки сразу задрал. Так что смотри сам. Это лишняя мокруха, и ты запросто можешь угореть. Сейчас вот хапнут, а шить-то нам пока вроде и нечего. Конечно, если начнут копать, то найдут. Я давно хотел из России свалить, но бабок приличных не было. А сейчас уйду в Германию. Тетушка у меня живет в Лейпциге, давно зовет. Вот к ней и намылюсь. Надо бабки с Короля хапнуть, как майор говорит, и отвалим. Через Хохляндию уйдем. У меня на Белгородской таможне зять работает. Он мужик нормальный. Говорит, хохлы к нам на работу пешком ходят, а наши в гости в Хохляндию. Хапнем бабки Короля и отвалим туда. Только не пойму я тебя, майор, на кой хрен тебе эта баба нужна? Пусть с ней Король разбирается. Нам-то она зачем сдалась?

– Ее надо заставить заткнуться, – ответил Пискунов. – Тогда нам объявиться можно будет. Скажем, сами разобрались, из-за чего на нас дело пытались повесить.

– На хрену я видел эти разборки, – покачал головой Костюков. – В зону ехать? Да там пришьют и не поморщатся.

– Но иначе мы к нему заявиться не сможем, – сказал

Пискунов. — Он Ромку прячет. Хотя... Он просил адрес ее узнать. — Майор достал сотовый.

Молодая женщина с короткой стрижкой вошла в вагон.

— Когда в Кирове выйдете, вас встретят, — сказал ей невысокий полный мужчина в золотых очках.

— Надеюсь, — усмехнулась она. — Передай папе, что я позвоню, как только приеду в Киров.

Кировская область, Котчиха

— Вон он, — сказал невысокий мужчина молодому здоровяку.

— Вижу, — усмехнулся тот. — Все просто. Как пойдет мимо барабана, его нужно толкнуть посильнее.

— Да не пори ты ерунду, — недовольно проговорил невысокий. — Ни хрена с ним не будет. Ну поцарапается или ушибет что. Думаешь, его закрутит на барабан? Нет.

— У нас осталось два дня. Потом поставят раком. Валить его надо, сучару.

— Как? Просто дать по башке ломиком или кирпичом? Да он, сука, говорят, машется лихо. В десантуре служил и воевал. С дубаками на пересылке и то бодался. А что-то делать надо.

— Слышь, Куст, — нахмурился здоровяк, — может, в чифу сыпанем какой-нибудь отравы?

— Ништяк было бы. Да где ее, отраву эту, взять?

– Давай я с Дофой побазарю, он же как раз по этим химикалиям в медсанчасти работает. Надо-то щепотку.

– Ништяк было бы! – загорелся идеей Куст. – Если можешь, то побазарь. Только осталось два дня.

– Разжуем рамс Исмаилу, увеличит срок.

– Тоже верно, – согласился Куст.

* * *

– Да как грузят, – отмахнулся Алин, – краном. Обычно до обеда. Двое цепляют стропами и на платформу поднимают. Менты рядом стоят, смотрят. Ну, чтоб между барабанами никто не залез. Стоят просто от нечего делать, положено. Кто туда полезет? Потом подходит паровоз и вытаскивает из запретки. Видишь ворота? Там останавливают, и солдат с псиной ходит. Барабаны почти бегом проверяют. А вагоны тщательно. А ты почему заинтересовался?

– Да просто так! – засмеялся Борис. – Прикинул, как их грузят. Неужели, думаю, руками закатывают? Это же...

– Я сначала так же думал. Да ты сегодня сам все увидишь. После обеда погрузка. Блатные не подходили?

– Еще нет. И очень надеюсь, не подойдут.

– Подойдут, точно тебе говорю. Привыкли за счет мужиков жить.

– Как себя чувствуете, Вера Георгиевна? – спросила пол-

ная женщина в белом халате.

– Значит, так, – Чепурных остановилась, – слушайте все! Чувствую я себя прекрасно! В палаты заходить не боюсь, плохих снов не вижу. Если еще есть вопросы, задавайте сразу. Но надеюсь, я ответила на все и всем. – Она быстро пошла вверх по лестнице.

– Лихо она вас! – засмеялся мужчина в белом халате. – Я же говорил, не приставайте к ней. А вы все ох да ах.

– А я теперь боюсь и мимо пройти, – вздохнула плотная медсестра.

– Да я повторяю, – злобно говорил сидевший перед Седых Кот, – не было ничего такого, о чем она говорит. Я просто спросил, почему она меня выписывает. Хреново себя чувствовал. И дотронулся до ее плеча. А она – раз, и на прием. Я бы, конечно, свернул ей шею, но баба как-никак, жалко. А она на меня нагрозила. Ведь мужики, которые со мной лежали, наверняка говорят правду.

– Они-то тебе подпевают, – усмехнулся начальник оперативной части. – А вот санитар говорит...

– Они по натуре базарят, а он, сучонок, ей в масть.

– Ну ладно. Пятнашка с переводом в БУР.

– Да я кипиш подниму!

– Это первый вариант. Есть второй. Чепурных пишет заявление о возбуждении уголовного дела. И ты получишь самое малое пятерку за нападение на сотрудника учреждения.

Вполне можем сделать и захват заложника. Попытку, – поправился капитан. – Заложница оказала тебе сопротивление. Представляешь, сколько тебе впаяют и как на зоне, куда тебя переведут после суда, это воспримут? Кот с бабой не смог справиться. В общем, Чепурных не собирается писать заявление, но уговорить ее труда не составит. В камеру его! – поднимаясь, крикнул он.

– Тормози, начальник! – испугался Котов. – Хрен с ним, я и извинения попрошу. Осталось-то пять месяцев. В общем...

– Ладно, – кивнул Седых. – Но если ты, сука, еще хоть раз на кого-то просто выматеришься, я тебя по полной крутану.

– Все, начальник, – торопливо проговорил Котов, – буду нем как рыба.

– Нормально, блин! – подойдя к Кусту, сказал здоровяк. – Крысиный яд. Мастер за пару браслетов и выкидник дал. Им на складе крыс травят.

– А как он дал-то? – удивился Куст.

– Да я же говорю, за пару браслетов и выкидник. Мне Филин посоветовал. В самый раз на эту суку.

– А как мы его траванем-то? Если с ним чифирить, сами кони двинем. Да и не станет он с нами чифирить.

– А мы ему в баночку подсыплем. Он чифу почти не пьет. Вот и сыпанем в баночку, она у него в учетке стоит. А зайти туда проблем нет.

– А ты все о нем узнал, – уважительно отметил Куст.
– Пошли прямо сейчас, – предложил здоровяк.
– Можно кому-то цинкануть, что, мол, учетчика из цеха мастер зовет, и порядок.

– Так и сделаем.

– Афган! – услышал заливавший кипятком чай в банке Вулич. – Мастер зовет!

– Черт возьми, как некстати. Но ненадолго, наверное. – Борис быстро пошел к воротам.

– Паси его, – сказал Кусту здоровяк, а сам вошел в кабинку. Увидел чай в банке, оглянувшись, вытащил из кармана пакетик и сыпанул в банку с чаем желтый порошок.

– Да нет тут мастера, – встретил Вулича Алин. – А кто тебе сказал?

– Да кричал кто-то. Кому это надо и на кой хрен?

– Пошли чайку попьем, – предложил Евгений.

– Я только заварил. Хочешь, пойдем...

– Да мы с Санычем попьем.

– Идет, сука, – усмехнулся здоровяк. – Сейчас попьет, и хана ему. Вовремя мы решили, – подмигнул он Кусту. – Я занырнул, а там банка с купцом.

– А купец – это просто слабый чай?

– Да, – кивнул здоровяк.

Борис налил чай в кружку и сделал глоток. Закурил.

– Хана козлу! – довольно улыбнулся Куст.

– Кустов и Пенов! – крикнул мужчина в штатском. – Вы где штаетесь?! Сейчас рапорт напишу.

– Уже идем! – Двое побежали к нему.

– Опачки! – Борис схватился за живот и согнулся. – Траванулся, кажется... – Он сунул пальцы в рот. Выпрямившись, взял ведро с водой и начал пить. Снова сунул пальцы в рот.

– Но я приехала в такую даль, – возмущенно говорила крепкая женщина, – а вы не разрешаете свидания! Я не прошу длительного. Положено краткосрочное, так будьте любезны, дайте свидание.

– Но ваш брат, – начала объяснять женщина-прапорщик, – сейчас...

– Я хочу видеть начальника колонии! – перебив ее, твердо заявила женщина.

– Котова Алла Петровна, – прочитал заявление Заев. – Ну что же, краткосрочное свидание дайте. – Он подписал заявление. – И сообщите ей, что мы не завели уголовное дело только потому, что ему осталось до освобождения меньше полугода. – Он посмотрел на Бармина. – Значит, в Красно-

ярские уже знают. Плохо работает оперчасть, да и вы, режимники, тоже.

— А что вы хотите? — усмехнулся тот. — Сотовый, считай, у каждого заблатненного. И сейчас звонить все имеют право. Распустили уголовщину, а теперь с нас стружку снимают.

— Да плохо ему! — Алин, поддерживая Вулича, подвел его к КПП между промышленной и жилой зонами. — Живот прихватило. Похоже, отравился чем-то.

— А что ел-то? — лениво спросил стоявший у входа прапорщик.

Борис согнулся и начал блевать.

— Хорош! Тащи его в медсанчасть! — Прапорщик распахнул калитку.

— Да надоели уже со своим сочувствием! — сердито воскликнула Вера. — Вот я и поставила все точки сразу.

Муж рассмеялся:

— Обожгла ты их крепко. Но мне кажется...

— Надоело! — повторила Вера. — Что с ним? — Она бросилась к тащившему Вулича Алину.

— Тошнит и рвет, — ответил тот.

— Отравление, — увидев воспаленные глаза, решила Вера. — Покажите язык.

Борис, с трудом удерживая приступ рвоты, высунул язык. Вера достала сотовый.

– Вера, – нетерпеливо позвал муж, – пошли...

– Срочно санитар к вахте, – приказала Вера и посмотрела на мужа: – Еда в холодильнике. Разогреешь. Посуду вымою.

– Ты его еще до больницы помоги донести, – раздраженно сказал муж.

– Санитары донесут, а то бы помогла.

Алин потащил Вулича навстречу бегущим санитарам.

– Да сделают ему там все. Пойдем обедать, – продолжал настаивать Виктор.

– У него, очевидно, пищевое отравление. Надо выяснить, что и где он ел, иначе может отравиться половина колонии, – покачала головой Вера.

– Несите его быстрее! – крикнул Виктор санитарам и приглушенно выматерился. Вера, улыбнувшись, ткнулась губами в его щеку.

– Ты сам настоял, чтобы я работала в колонии.

– Кто эта женщина? – услышал санитар хриплый прерывистый голос Вулича.

– Врач, – ответил коренастый мужчина, – жена начальника медчасти.

– Глаза у нее не административные, – прошептал Борис, – человеческие глаза. Хотя откуда здесь человеку взяться?... – Он почувствовал резкую боль в животе и приступ тошноты.

«Сейчас начнутся проблемы, – входя в поликлинику, думала Вера. – Против клзмы все возражают. А уж он...»

– Проблем не будет, доктор, – хрипло сказал Борис.

«Я это вслух сказала», – поняла Вера.

– Точно? – спросил Исмаил.

– Сто пудов! – гордо ответил Куст. – Его в больничку поволокли. Да капут этому Афгану. Нам бы бабки получить.

– Если где-то про это пропищите, вслед за ним отправитесь, – отрезал Исмаил.

– Велели медицине отдать. – Подойдя к КПП между промышленной и жилой зонами, пожилой мужчина показал банку с остатками чая.

– Бери, – кивнул прапорщик медбрату.

– Знаете, – покачала головой Вера, – он в рубашке родился. Еще бы полчаса, и все. Чем же это он так? Говорит, ничего не ел. Утром на завтрак не ходил, хлеб с конфетами ел. Недавно в промышленной зоне пил чай... Принесли? – посмотрела она на санитару.

– Да. – Санитар протянул ей банку.

– Что с Вуличем? – В кабинет стремительно вошел Седых.

– Отравился, – ответила Вера. – А почему у вас такой интерес к нему?

– Да ЧП нам ни к чему, – улыбнулся капитан. – Скоро комиссия приедет из столицы. И хочется, чтобы все было на должном уровне. Да, – повернувшись, чтобы выйти, остановился он, – вы не желаете, чтобы Котов перед вами извинил-

ся?

– Если бы человек совершил проступок и извинился, как говорится, от души, то... – Она вздохнула. – А так не надо.

– Хорошо сказано. Когда я смогу узнать причину отравления Вулича?

– Только через два дня. У нас, к сожалению...

– Я прошу вас, – Седых не дал ей договорить, – сразу сообщите результат мне.

– Значит, дело заводить не будут? – уточнила сидевшая перед стеклянной перегородкой Алла.

– Нет, – ответил Котов.

– Что же ты так? Столько для тебя сделали, а теперь...

– Да просто сорвался. А с Ромкой-то что за дела?

– Как ты? – заглянул в палату санитар.

– Жить буду, – ответил лежавший на койке Вулич. – А что со мной?

– Траванулся чем-то.

– Да это я и сам понял, – усмехнулся Борис.

«Только вот чем?» – мысленно спросил он себя.

– Ты Афган? – обратился к нему лежащий на соседней койке черноволосый молодой мужчина.

«Так, – начал вспоминать Борис. – Я почувствовал себя хреново после того, как попил чаю с конфетами. Перед этим меня позвали якобы к мастеру... Выходит, меня отравили? –

Он сел. – Хреновина какая-то».

– Слышь, земля, – не отставал сосед. – Ты Афган?

– Дальше что?

– Я тоже там был.

– Давай потом вспоминать будем.

– Лады. Меня Осой кличут. – Мужчина протянул руку.

– Афган, – машинально пожал ее Борис.

– А лихо ты дубаков в Ярославской пересылке таскал, – усмехнулся сидевший на койке в углу пожилой мужчина.

– Мужики, – вздохнул Борис, – дайте мне очухаться. Потом переговорим, ладно?

– Все путем, – кивнул Оса. – Оставь его, Клим.

Борис лег на спину.

«Так. Получается, меня траванули. Но кто и почему? И как? Точнее, чем? Может, что-то в конфетах было? Но они из ларька. Алин дал. Чай я из пачки насыпал. Что-то непонятно... Маргарин? Но его весь барак лопают».

– Ну и порядки у вас тут! – сердито говорила женщине-прапорщику Алла. – Человек болен, а его сажают в местную тюрьму на пятнадцать суток и еще до освобождения в какой-то ПКТ. Кстати, что это такое?

– Помещение камерного типа. Входите, – кивнула служащая на открытую решетчатую дверь.

– Мы будем жаловаться, и виновные понесут наказание. Сейчас не время коммунистической диктатуры, когда все

было позволено.

– Извините, а в чем дело? – спросила полная женщина.

– А вы кто, позвольте узнать? – посмотрела на нее Алла.

– Помощник районного прокурора Алтурова.

– Вот вы-то мне и нужны! Моего брата посадили в камеру из больницы...

– Олег Котов?

– Именно он.

– Он должен благодарить врача Чепурных. За то, что он совершил, его вполне можно привлечь к уголовной ответственности. Он напал на нее и оскорбил. Вашему брату повезло.

– Ну да, – усмехнулась Алла. – Он говорил, что...

– А кто признает свою вину? – улыбнулась Алтурова.

– Мы будем жаловаться.

– Это ваше право. Я буду этому только рада. На основании вашей жалобы дело будет рассмотрено областной прокуратурой, и Чепурных так или иначе придется давать объяснения. На основании этих показаний наверняка будет возбуждено уголовное дело. А сейчас извините. До свидания. – Алтурова подошла к ждавшей ее машине.

– Не довезете до вокзала? – спросила Алла.

– Нет, – кратко ответила Алтурова.

– Сучка! – зло бросила вслед тронувшейся машине Котова.

– Зря вы так, – заметила вышедшая из КПП колонии Че-

пурных. – Нина Петровна – хорошая женщина.

– А вы-то кто? – Алла ожгла ее взглядом. – Тоже из прокуратуры? Хотя вы...

– Я врач.

– Надеюсь, не Чепурных?

– Чепурных. А вы, вероятно, сестра Котова? Ваш брат по-
донок, и я...

– Слушай, ты! – Алла шагнула к Вере.

– Не ты, а вы. – Вера быстро пошла дальше.

– Ты свое получишь, тварь!

Вера остановилась.

– Что уставилась? – вызывающе спросила Алла. – Может, и меня в камеру посадишь?

– А там таким, как ты, только и место, – ответила Вера и быстро пошла дальше. «Успокойся, – мысленно говорила она себе, – успокойся. Так хочется... Но нельзя. Ну и семейка».

– Вера Георгиевна, – обратился к ней вышедший из машины невысокий мужчина, – я по поводу отравления. Это крысиный яд. – Он протянул ей заключение экспертизы. – Сомнений быть не может. В чае найден крысиный яд. Доза не очень большая, но человеку вполне хватит, чтоб заказывать гроб.

– Яд? – недоверчиво перепросила Вера.

– Именно так.

– Спасибо. – Вера быстро пошла обратно.

– Что, уже за мной? – вызывающе спросила идущая от колонии Алла.

– Спокойно, Вера, – проходя мимо, прошептала Чепурных.

– Встретимся в другом месте – не убежишь, – насмешливо проговорила ей вслед Алла.

– Чай послали на экспертизу, – сообщил Алин. – Я тут мужиков поспрашивал, так они говорят, что в цех заходили двое – Куст и Ломик. Отморозки, те еще типы. Так вот, один из них перед этим крикнул, что тебя зовут. Ты вышел, и кто-то из них, кажется, Ломик, заскочил в учетку. Был там недолго. Оба ходят под чехом, под Исмаилом. Помнишь, когда ты в отряд пришел после этапа, трое чехов приходили? Там был Исмаил. Они о тебе у завхоза спрашивали. Я сейчас это вспомнил.

– Ты когда в Чечне был? – спросил Борис.

– В девяносто шестом, – помолчав, ответил Евгений. – На Минутке осколок в спину поймал. Год госпиталей. Потом запил, морду охраннику в баре разбил и ментам двоим всыпал. Дали три года. Сбежал. Добавили еще два и сюда. Сейчас...

– Бежать больше не хочешь? – перебил его Борис.

– Нет. Мать надо живой застать. Тут амнистия немного помогла, год скинули. И обещали по УДО выпустить. Поэтому работаю и не нарушаю.

– Ладно! – кивнул Борис и поинтересовался. – А Ломик

в каком отряде?

– Значит, отравили, – пробормотал Седых. – Черт возьми, похоже, Вулич – сплошная проблема. И кому же так понадобится его смерть? Заводить дело не стоит. Снова комиссии поедут одна за другой. Крысиный яд... Где его можно взять в зоне? Хотя сейчас тут можно найти все, что угодно.

– Здравствуйте, – обратился стоящий рядом с Вуlichem Алин к проходившей мимо Вере.

– Здравствуйте, – ответила она.

– Добрый день, – негромко проговорил провожавший ее взглядом Борис. – Кто это?

– Врач-терапевт.

– Это она была у вахты?

– Да.

– Человеческие глаза... Значит, не показалось. Странно, но и в зоне можно увидеть взгляд человека. Не ожидал... А она красивая... – Борис вздохнул.

– Единственная, кто действительно может называть себя медиком, – заметил Евгений. – Муж ее, начальник медчасти, тот еще тип. Базаров про Веру Георгиевну море! Тут врач-невропатолог есть, Либертович. Так базарят, вроде любовники они. Хотя посмотришь на этого Либертовича, и сразу понятно, что она его на пушечный выстрел не подпустит. С мужем, кстати, говорят, живет хорошо. А что это ты вдруг?

– Да ничего. Просто приятно удивлен. Думал, что тюремщиками рождаются. Взгляд надменный, с долей подозрительности, но вкрадчивый голос, когда нужно что-то выяснить, однако в большинстве случаев командный тон. А тут вдруг увидел человеческий взгляд и услышал ее голос. Женщина красивая. Фигура, ноги... – Он засмеялся. – Все, что меня понесло!..

– Строит из себя, – выходя из поликлиники, проворчала плотная рыжеволосая женщина. – Ей посочувствовали, а она...

– Да хватит, Рита, – остановила ее невысокая толстушка. – Вера вся из себя такая, – покрутила она задом, – недотрога и уж больно интеллигентная. И не боится по палатам одна ходить. Я, например, стараюсь никогда не оставаться с зэками наедине. А то кто знает, что у них на уме... Где же Вячеслав Андреевич? – посмотрела она на дверь.

– Идет-то как, – кивнула вслед Вере плотная. – Задницей вертит. А потом вроде кидаются на нее. Например...

– Да вам бояться этого совершенно не стоит, – перебил ее подошедший Борис. – Даже если вы останетесь в колонии единственной женщиной, а это относится и к вам, – кивнул он второй медсестре, – ваша безопасность будет стопроцентной. А если вам укоротить юбки, произойдет массовый побег. Мужики просто не вынесут подобного зрелища!..

– Он жив! – ударив Куста в лоб основанием ладони, процедил Исмаил. – Вот что, суки позорные, я вас обоих раком поставлю, твари! – Он ударил Ломика ногой в пах. Тот, скрючившись, осел.

– Да ты что, Исмаил, – испугался Куст, – мы же ему...

– Его из больнички в изолятор потащили! – отрезал чеченец. – Что-то там с медсестрами у него вышло.

– Да честное слово, – усмехнулся немолодой мужчина, – ничего такого он и не говорил. Просто обеих задело, что произойдет массовый побег, если... – Не договорив, он рассмеялся. – И придумал же такое! – Отвернувшись в сторону, дежурный тоже улыбнулся. – Так что ни за что вы мужика на пятнашку определили.

– Вячеслав Андреевич, – спросил дежурный, – как его состояние? Можно ему находиться...

– А вы думаете, Заева это остановит? – перебил его фельдшер. – Даже если нельзя. Не любит наше начальство иронии в адрес своих служащих. Но я бы не дал разрешения на помещение его в ШИЗО.

– Кто по масти? – поинтересовался прапорщик.

– Мужик, – усмехнулся Вулич.

– Значит, к браткам не пойдешь? – спросил контролер.

– Мне все равно, – равнодушно отозвался Борис.

– А лихо ты этих баб на место поставил, – неожиданно

подмигнул ему прапорщик и, оглянувшись, сунул Борису в карман пачку «Примы». Старший сержант, посмотрев в глазок, открыл дверь камеры. Вулич вошел.

– Здорово, – кивнул он находившимся в камере штрафного изолятора заключенным.

– Привет, – ответил мужчина в наколках на голом торсе.

– Афган! – воскликнул сидевший в углу небритый. – Приветик! Быстро же мы с тобой в ШИЗО попали. Тебя за кой хрен?

– Да ни за что, – усмехнулся Борис. – Растолковал двум особам разницу между ними и настоящими женщинами.

– Да откуда они здесь? – усмехнулся сидевший у стены Котов. – Здесь, как и везде, шкурье одно. Меня сюда сучка запихала из больнички. Глазки строила, задом виляла, а я ей и...

– Опачки! Значит, ты Кот? – Борис шагнул к нему.

– И что дальше? – Кот лениво поднялся.

– Слушай меня внимательно, жаба! – сказал Борис. – Это тебе от меня! – Короткий удар в солнечное сплетение согнул Олега. – Это от доктора! – Основанием ладони он ударил его по макушке. Кот шлепнулся на бетонный пол и взвыл от боли. Дверь камеры распахнулась.

– А ну прекратить! – крикнул капитан с повязкой дежурного. – Вулич, на выход! Кто тебя? – подойдя к пытавшемуся вздохнуть Котову, спросил капитан.

– Да просто поперхнулся...

Капитан вышел вслед за Борисом, и прапорщик хлопнул железной дверью.

– Вовремя менты появились, – процедил Котов. – Я бы эту суку...

– Тормози, Кот, – остановил его небритый. – Предъявить Афгану ты сам ничего не можешь. Ты, в натуре, в больничке косяком спорил. Конечно, Вулич зря тебя товарнул, но...

– Я ему устрою! – прошипел Кот.

– Кому же ты так дорогу перешел? – дав закурить Вуличу, спросил Седых.

– Без понятия, – покачал головой Борис.

– Кто заходил в твою каптерку?

– Я никого не видел.

– Знакомые по свободе у тебя здесь есть?

– Никого не встречал.

– А за что Котову врезал?

– Морда не понравилась. У вас такое бывает? – Вулич улыбнулся. – У меня иногда случается. Да теперь хоть за дело пятнашку получу. А то ведь...

– Не надо так с нашими женщинами разговаривать. Они, конечно, больше, чем надо, на тебя нагрузили, но...

– Извините, гражданин начальник, где вы тут женщин увидели?

– А Веру Георгиевну ты, значит, настоящей женщиной считаешь?

– Я не вправе судить о ней. Но она помогла мне у вахты, вот и все. Да я просто не удержался, настроение паршивое было.

– Как здоровье? Отрава не беспокоит?

– Да вроде нет.

– Слушай, – закулив, проговорил Седых. – На суде, в последнем слове, ты сказал коротко и ясно: я хотел, чтоб меня убили. Ты просто подставился. Даже следствие это отметило. Почему?

– Знаете, гражданин начальник, вы не поп, а я не на исповеди. Но уверяю, что сейчас я не хочу погибнуть. У меня другие планы.

– Сбежать желания нет?

– Если появится, вы об этом узнаете первым.

– Надеюсь, что я узнаю раньше. Но бежать не советую. Даже если сможешь уйти с зоны, далеко не убежишь. Постов везде понатыкано много. И берут они жестко. Тебе повезло, что не зона тебя брала. А то бы...

– Не надо пугать, капитан, – улыбнулся Борис. – Вы меня вызвали из-за отравления, а теперь...

– Иди. Я думал, ты мне что-то объяснишь, ведь тебя пытались убить. Хотя, может, ты сам отравился?

Борис засмеялся.

– Забери, – кивнул капитан заглянувшему в кабинет контролеру.

– В ту же камеру? – спросил тот.

– Котова оттуда переведи, – решил Седых. – Хотя стоп. Веди Вулича в одиночку.

– Номер люкс, – рассмеялся Борис.

– И фельдшеру его покажите, – сказал капитан.

– Подождите, – удивилась Вера, – как это в шизо? Он...

– Его здоровье в порядке! – отрезал Заев. – И кстати, причиной его грубости медсестрам стали вы, Вера Георгиевна.

– Я? – хмыкнула она.

– Да не было там никакой грубости, – улыбнулся Вячеслав Андреевич. – Я все слышал. Просто Полина и Брошнева позволили себе нелестные замечания в адрес врача Чепурных. А Вулич высказал свою точку зрения. И кстати, я с ним согласен. – Он засмеялся.

– Вы позволяете себе много лишнего, – строго одернул его начальник колонии.

– Не вам судить, товарищ майор, – спокойно отозвался фельдшер. – Вы несправедливо дали Вуличу пятнадцать суток. Я слышал весь разговор, он не сказал ничего такого, что тянуло бы даже на лишение передачи. Хотя...

– Все, – недовольно бросил Заев, – можете идти. А вы, Вера Георгиевна, все-таки не конфликтуйте с коллективом.

– Это коллектив почему-то пытается конфликтовать со мной, – рассмеялась она. – Хотя вот Вячеслав Андреевич тоже часть коллектива.

– Самая большая часть, – заметил фельдшер.

– Вулич – опасный преступник, – наставительно произнес майор.

– Для нас он осужденный, который был отравлен, – парировал Вячеслав Андреевич.

* * *

– В одиночку сунули, – усмехнулся Котов. – Испугался солдатик.

– Менты за тебя испугались, – возразил небритый. – А то снова начнут твои родственники жалобы писать.

– Что ты против меня имеешь? – шагнул к нему Котов.

– Тормозни, Кот, – предупредил его плотный молодой мужчина. – Нам твои дела шли и ехали. Но не вздумай здесь благовать, иначе вышибем из хаты. Я серьезно говорю.

– В натуре, Кот, – поддержал его невысокий парень, – не блалуй, а то и нарваться можешь.

– Ну вот и номер люкс. – Борис сел на пол. – Кто же меня отравить хотел? Надо будет этого Куста прижать. Исмаил, – вспомнил он слова небритого, – чеченец. С ним я не пересекался. Странно... Ладно, выйду – Куста прижму и все узнаю.

– Подождите, Вячеслав Андреевич, – вздохнула Вера, – значит, Вулич из-за меня...

– Из-за себя, – улыбнулся фельдшер. – Вы как раз вышли,

а они курили вдвоем. Ну а тут и дамы появились. Уж больно вы задели их тогда, когда они так хотели вам посочувствовать, и стали недовольство высказывать вам вслед. А Вулич вмешался. Ну а дамы бросились на вахту и написали рапорта. Написали, конечно, по-своему, но я все слышал и впервые за время работы принял сторону осужденного, но это ничего не изменило. Однако я доволен, что так поступил. И вот что, Вера Георгиевна, не уделяйте Вуличу чрезмерно много внимания, иначе...

– Перестаньте, Вячеслав Андреевич, – засмеялась она. – Все эти трюки мы знаем. Когда Вулич выйдет из изолятора, он придет на прием. Все-таки я лечила его. И наверняка начнет искать сочувствия...

– А вот здесь я с вами не согласен. Однако все-таки интересно, кто его мог отравить? Хотя он на удивление быстро пришел в себя.

– Доза совсем маленькая. К тому же он выпил много жидкости и вызвал рвоту. Помогло ему то, что утром он ничего не ел. Неужели его действительно пытались отравить?

– Это дело оперативной части. Ну ладно, а как вы съездили?

– Неплохо. Были медики из пяти управлений. Тема одна и та же. А кроме того, я повидала свою школьную подругу. Потом мы вместе учились в институте. Я вышла замуж и уехала с Виктором сюда. Знаете, поначалу было страшно и в то же время очень интересно. Но я не ожидала, что порой будет

так противно.

– Понимаю. Я мужик и то все это испытал. Знаете, я бы свою жену сюда работать не привел. Хотя если бы...

– Я боялась, что Вулич отравился в столовой, – сменила тему Вера.

– Я тоже очень не хотел наплыва больных с отравлением, – ответил фельдшер.

– Ну, – Седых кивнул стоявшему в двери Кусту, – проходи и садись.

Тот, облизнув пересохшие губы, несмело шагнул вперед и сел на стул.

– Знаешь, – сказал начальник оперативной части, – я вот думал, что с тобой делать? Отдать Вуличу? Или...

– Нет! – испуганно перебил его Куст.

– Чифирнешь? – спросил капитан.

– Слушай сюда, гнида! – Бармин подошел вплотную к сжавшемуся на стуле Ломику. – Или колись, или я тебе такую жизнь устрою!..

– Да не знаю я ничего, – покачал головой тот. – Какая отравка?

– Ну вот что! – Схватив за грудки, майор рывком поставил его на ноги. – Тебя видели в...

– Я тут ни при чем! – закричал Ломик.

– Так и пиши, – кивнул Седых. – Ты думал, что это какая-то шутка, слабительное. Порошок принес Горохов. Написал? Хорошо... А где он, кстати, его взял?

– У мастера, – ответил Кустов.

– Да не при делах я! – кричал Ломик, которого двое контролеров вытаскивали из кабинета начальника режимной части. – Сукой буду, начальник!

– Кустов раскололся. – В кабинет вошел Седых. – Надо брать мастера сварщиков. Он сейчас числится кладовщиком на складе и продал крысиный яд за два самодельных браслета и выкидной нож. Его фамилия Сухариков.

– Точно?

– Вот показания. – Седых положил на стол исписанные листки.

– Что делать будем? – прочитав, спросил Бармин.

– На тюремный режим всю троицу. А вот возбуждать ли дело...

– Пусть прокуратура решает, – перебил его Бармин. – Все-таки они пытались убить, так что заводим дело.

– Тоже верно, – согласился Седых. – Тут все о комиссии из столицы говорят. Я вот и думаю, как бы нам это не подпортило...

– Наоборот. Предотвратили убийство. Разоблачили преступника из вольнонаемных, оборотня на чистую воду вывели. – Бармин рассмеялся.

– Уж тебе ли не знать, оборотней у нас хватает, – хмыкнул Седых.

– Ну-ну! – усмехнулся Бармин. – Если с умом, то и не оборотень вовсе.

– А почему Котова раскручивать не стали? И сестра его сразу приехала. Ты, наверное, себе в карман что-то положил?

– Перестань, Владимир. Коньяк вместе пили.

– Заев французский пил, – усмехнулся Седых.

– Все это мелочи. А вот Вулич... черт бы его побрал! Следствие продолжается. Поэтому и надо передать это дело в руки прокуратуре. А то у нас будут неприятности. Узнает следователь, и, считай, мы крупно влипли.

– Тьфу ты! А я как-то об этом и не подумал. Действительно, могут быть неприятности. Но, как я понял, ты Горохова не расколол?

– Молчит, сучий потрох. А ты-то как Кустова кольнул?

– Да я его уверил, что он чистым будет, но пойдет со всеми вместе. Его по запарке запихают в хату к блатным. И они из него половину выбьют. Он сразу пойдет в отказ. А значит, наш договор расторгнут.

– Ты тот еще лис, – добродушно поддел его Бармин.

– А Чепурных вроде как неровно дышит в сторону Вулича, – неожиданно сменил тему капитан.

– Перестань! – Бармин махнул рукой. – Вот ты в ее сторону очень даже равнодушно поглядываешь. Предупреждаю, Витька мужик спокойный, но коснется дела – физиономию

враз попортит. Он за нее кому хошь башку отвернет. Она ведь, как декабристка, с ним в глухомань поехала. Сам понимаешь, здесь не каждый мужик выдержит. Ну ладно наши бабы, на них воду возить можно. Они вполне вписываются в это дерьмо. А Чепурных – дама утонченная, да и, что говорить, красивая. Когда приехала Элеонора, зубничка, мы и то все в шоке были. Тоже баба видная. А Чепурных настоящая женщина. Так что не мути воду насчет Вулича. Он по-мужски поступил. Фельдшер же рассказал, как дело было. А Заев его от греха сунул в изолятор. Не думал, что мы найдем...

– Не поэтому, – возразил Седых, – а чтобы бабы визг не подняли. Они из зависти о Чепурных говорили. А Вулич вмешался. Все-таки есть в нем что-то особенное.

– Вот это и плохо, – пробормотал Бармин – Чувствую, попортит он нам кровь. Сам по себе живет и близко никого не подпускает. За ним глаз да глаз нужен.

– Авантюрист, – покачал головой Седых.

– «Я хотел, чтоб меня убили», – вспомнил Бармин слова Вулича. – Короткое последнее слово. Я дважды перечитывал дело. Особенно там, где говорится о побеге. Лихо ушли. А столовая у нас возле запретки. Как только что-то в его поведении покажется подозрительным, надо его упаковывать в БУР. Я строго-настрого приказал обращать внимание на малейшие детали. Хорошо еще, реки рядом нет.

– Как здоровье? – заглянул в открытую кормушку Вяче-

слав Андреевич.

– Бывает лучше, – ответил сидящий на полу под зарешеченным окном Борис.

– Вот таблетки, – фельдшер протянул лекарство, – прими.

– Спасибо. – Борис взял три таблетки, сунул в рот и запил водой из-под крана.

– Будь здоров, – подмигнул ему фельдшер и захлопнул кормушку.

– Что-то ты, Андреевич, впервые к ээку доброжелательно настроен, – усмехнулся контролер.

– Куст! Сука! – надрывно орал Горохов. – Сдал, паскудина?! Я тебя, пес комолый, достану!

– Слышь, Кустик, – посмотрел на стоявшего у двери Куста сутулый детина, – выходит, ты стукач.

– Да вы чё, мужики, – испуганно забормотал тот. – Я...

Коренастый парень, заметив кивок сидевшего в углу пожилого мужчины с выколотыми на груди тремя богатырями, поднялся и подошел к двери. Еще двое, переглянувшись, усмехнулись. Куст, увидев это, отчаянно закричал:

– Начальник!

Коренастый ударом локтя в живот согнул его и толкнул к двоим парням. Те, заломив Кусту руки, уткнули его лбом в бетонный пол и стянули с него штаны. Коренастый, встав перед дверью, загородил глазок.

– Давай, Пан, – кивнул исколотому толстяку один из парней. Тот, оскалась, взглянул на пожилого и стянул с себя штаны.

– Собаки поганые! – раздался громкий голос в дежурке шизо. – Гяуры! Я вашу родню, псы, сделаю! – Трое контролеров с трудом удерживали рвущегося Исмаила. – Я вам, шакалы, устрою Буденновск!

Худошавый дежурный ударил его кулаком в живот. Словно подавившись, чеченец повис на руках контролеров. Его швырнули на пол и, застегнув наручники, стали бить ногами.

– Отставить! – рявкнул дежурный. – В камеру в браслетах, но не бить!

– Уж больно ты добрый, Владимир Семенович! – показал головой плотный контролер. – Может, его в хату к мужикам? – усмехнулся он. – Там четверо в Чечне воевали.

– В одиночку! – Дежурный быстро вышел.

– Во, блин, – пробормотал старший сержант. – Первый раз увидел, как Пепеляев зэка ударил.

– У него племянника в Гудермесе убили, – объяснил плотный прапорщик. – Он чеченцев на дух не переносит.

– А кто их переносит? – проворчал старший сержант. – Только начальство иногда им поблажку дает.

– Шакалы! – снова заорал Исмаил. – Я ваших...

– Заткнись, дух! – Прапорщик ударил его ногой в живот. Подхватив чеченца под руки, контролеры потащили его по

гулкому коридору.

– Давай нам чеха! – кричали в одной камере.

– Менты позорные! – орали в другой. – Беспредел голимый!

– Прокурора! – требовали из третьей.

– Бей чехов! – скандировали в конце коридора.

– Похоже, Исмаила притащили, – вслушиваясь в шум, прошептал Борис. – Хотелось бы с ним поговорить.

– Шакалы! – послышался крик. – Я всю вашу родню уделаю!

Дверь соседней камеры захлопнулась.

– Тоже номер люкс выписали... – Борис, разгоняя дым рукой, быстро потушил сигарету.

– Как настроение? – открыв кормушку, заглянул прапорщик.

– На большой, – ответил Вулич.

– Твой заказчик по соседству, – кивнул налево контролер.

– Может, посадишь меня к нему на минутку? – усмехнулся Вулич.

– С удовольствием бы, но нельзя. Какого хрена он тебя травануть хотел?

– Без понятия.

– А ты зря за врачиху заступился, – неожиданно сказал контролер. – Уж больно она из себя...

– Закрой пасть, мент! – зло перебил его Борис.

– Чего? – опешил тот. – Да я тебя...

– Заходи, гостем будешь! – Вулич засмеялся.

– Ну, гнида, – пообещал контролер, – ты свое получишь! –

Он с силой захлопнул кормушку.

– Все нормально, папа, – сообщила по сотовому Алла. – Я его видела. Он сейчас в изоляторе. Пятнадцать суток с переводом в ПКТ, это помещение камерного типа. Ну, если по-другому, тюрьма в тюрьме.

– Кому ты объясняешь? – усмехнулся отец. – Проблем не было?

– Сначала были, а потом все удалось решить с начальником.

– Молодец, дочь. Возвращайся. А об этой врачихе узнала что-нибудь?

– Конечно. Она здесь вместе с мужем. Сын у них пяти лет, но он живет у матери мужа. Честная. Конечно, Олег сам виноват, поэтому отсидит в ПКТ до конца срока.

– Черт с ним! Главное – не раскрутят. А ты возвращайся. В Кирове не задерживайся, тебе надо будет отправляться в Китай. Что-то поставки задерживают.

– Я прилечу самолетом.

– Самолетом не стоит, быются частенько. К тому же надо разобраться с этой девчонкой и ее папаней. Заскочи к Кошею, пусть все решит.

– Хорошо. Но будет лучше, если ты позвонишь и он встре-

тит меня в Кирове.

– Тоже верно, – согласился отец.

Глазов

– И когда ты домой поедешь? – помешивая ложкой в кастрюле, спросила пожилая женщина.

– Не знаю, – вздохнула девушка, за которую в Красноярске заступилась Вера. – Отец сказал, когда все наладится, он меня вызовет.

– А что у него там случилось-то?

– Да он свой прииск открыть хочет, а один человек считает, что все вокруг принадлежит ему. Он собирается у папы все забрать. А папа это месторождение два года искал по старым картам.

– Ну и Бог с ним, с месторождением этим, голова-то, чай, дороже. Мать твою похоронил и самому нейметя. Она тоже чересчур честная была, а сейчас все деньги решают. Есть они – завсегда правой будешь. А нет, так и сиди молчком, рот не раскрывай... Слушай-ка, Томка, а у тебя жених имеется?

– Нет, – покрывшись румянцем, ответила девушка. – Я хочу закончить институт, а уж потом...

– Так и останешься в девках. Пока молодая, надобно мужа искать. Сейчас вон сколько вокруг мужиков богатых. А ты девка справная и, значит, запросто можешь удачно замуж выйти.

– Я, бабушка, по любви хочу.

– По любви счастливой сейчас не будешь. Вона твой отец, Колька, всю жизнь честный, и что у него есть? Да ничего. Уехал в Красноярск, на работу хорошую устроился. А там, видите ли, деньги отмывают. Сейчас, значит, хочет золото мыть. Намоет себе на гроб!.. – Женщина вздохнула.

– Бабушка, почему ты постоянно папу ругаешь?

– Да потому что только за него сердце и болит... А вон и дед идет, – увидела она в окно седобородого старика с двустволкой за плечом. – Тоже всю жизнь так и прожили на окраине. Егерь он. Уж пора бы сидеть в квартире и в ванне купаться, а мы до сих пор воду на себе таскаем.

– Все ворчит бабулька? – войдя, подмигнул внучке дед. – Но все-таки она у нас самая лучшая. Обедать когда будем?

Красноярск

– Ну что ж, – усмехнулся капитан милиции. – Значит, Лепень и Ростик свое получили. Они стукачами у Пискунова были. Уж не он ли их и сделал?

– Да хорош тебе, Порохов, – остановил его майор. – Давай теперь все на Пискуна грузить. Он просто...

– Да не все так просто, – возразил вошедший в кабинет следователь прокуратуры. – Судя по всему, за Пискуновым и его помощниками не один труп. Они не ожидали, что придется уходить в темпе. Обыски дали результат. Помните убийство садовода Анина? Найден лист с планом дома и маршрутом Анина. И крестик как раз на том перекрестке,

где он и был убит. План нашли в квартире Костюкова. При обыске у Рожкова обнаружена винтовка СВД, из которой застрелили Коровина, предпринимателя. Кстати, он обращался к нам за защитой. Так что подозреваемые теперь есть. Брать надо этих сволочей.

– Но мы, конечно, этого не желаем, – криво улыбнулся капитан.

– А что там с Семеновым и Торокиным? – спросил плотный оперативник.

– Ничего. Оба дали показания, вины их нет. Они ничего не нарушили, просто исполняли приказ начальника. Сейчас пытаемся установить девушку, на которую напал Котов. К сожалению, о ней ничего не известно. Коллеги из Кирова будут беседовать с приславшей письмо женщиной. Побольше бы таких. Благодаря ей и выяснили причастность этих сволочей к двум убийствам.

– Нормально! – процедил полный майор. – Сотрудники железнодорожной милиции – киллеры. – Он выругался.

– Что? – Пискунов вскочил. – Что ты сказала? – Выслушав, он обессиленно сел. – Мама моя дорогая!..

– Что там еще? – спросил, отжимаясь от пола, Костюков.

– Убью, псы! – Отбросив сотовый, майор выхватил пистолет.

– Ты чего?! – Рожков выставил перед собой руки и вжался в спинку дивана. Костюков прыгнул за стоявший у стены

шкаф.

– В ваших квартирах был обыск. У Рожкова нашли план убийства Анина, а у тебя, – Пискунов ткнул стволом в сторону Костюкова, – винтовку! Псы! Теперь мы разыскиваемые убийцы. Суки!

– Убери ствол! – попросил Рожков.

– Почему не уничтожили вещдоки?! – Пискунов опустил руку с пистолетом.

– Да кто же думал, что так получится? – осторожно выглядывая из-за шкафа, пробормотал Константин. – Винтовка, думал, еще пригодится. Нам же Король за Азова обещал...

– Хана нам! – Пискунов рухнул в кресло. – Теперь точно хана.

– Да ничего не случится. – Рожков подошел к майору. – Успокойтесь, Юрий Антонович. Ну что теперь делать? Надо работать с Королем по плану. Брать у него бабки и уходить через Украину, как Костя предлагает.

– Влипли мы, – прошептал Пискунов. – Как же вы так облажались? Предупреждал ведь...

– Да что теперь говорить? – равнодушно произнес Костюков. – Надо деньги доставать и уходить в Германию. У тети Поли отсидимся, она нас примет и поможет.

– Вот это влип, – пробормотал Пискунов. – Все, выхода нет. Придется к Королю пробираться. Но не сейчас. Отсидеться надо хотя бы пару недель. И сделать так, чтоб решили, что мы уже покинули город. Ну, с этим я что-нибудь при-

думаю. А вот Король... Он может на хрен послать, а может и убить. Все-таки мы о нем много знаем. А без него мы не обойдемся. Как хорошо, что мои в Турции! – облегченно вздохнул он. Его помощники переглянулись.

– Кто по курортам заграничным катается, – буркнул Костюков, – а кто...

– Уж молчал бы! – рявкнул Пискунов. – Ведь если бы не оставили вы...

– И что тогда? – зло перебил его Рожков. – Может, и смешно, но мне сейчас легче стало, чем раньше. А то иду на работу и думаю: вдруг там уже дожидаются орлы из группы захвата? Хорошо, что я не женился...

– А я два раза успел, – усмехнулся Костюков, – и оба раза прожил по полгода. Прав Валерка, – кивнул он на Рожкова, – сейчас все ясно. Поэтому можно действовать соответственно. У меня идея есть. Помните, Король говорил о фраере, чью дочурку Ромка на вокзале прихватил. Мужик тот живет безбедно. Вот если его дочурку хапнуть и...

– Еще киднеппинга нам не хватало, – отмахнулся Пискунов.

– Слушай, – сказал Рожков, – ведь нам сейчас надо бабки искать. И как мы их возьмем, не важно. Я на все готов. Как подумаю, что нас возьмут, и представлю, как...

– Да хрен им! – усмехнулся Костюков. – Мы в той же каше варились и знаем все ходы и выходы. Вот бабок у нас мало. Слушай, майор, а ведь у тебя бабки есть и на счету в банке,

и за границей. Может...

– Если сумеем выбраться из России, – не дал ему договорить Пискунов, – то на жизнь нам хватит. А здесь никак не могу. Сами понимаете, наверняка нас ждут сейчас везде. Хотя курок имеется, правда, там немного, сто двадцать деревянных тысяч на даче у приятеля. Но вот кого туда послать? У нас осталось хрен да немножко, и никуда не высунуться.

– Инку пошли, – предложил Костюков.

– Точно! – обрадовался Пискунов.

Тея

От сильного удара ногой светловолосый мужчина упал на спину.

– Не надумал? – подмигнул ему рослый парень.

– Кажется, он думает! – захохотал лысый верзила. – Может, поможем?

– Больше не велено, – с сожалением напомнил рослый. – В общем, мысли, Азов, а то и дочка твоя в историю попасть может. Сам знаешь, как Король уговаривать умеет.

Парни вышли.

– Сволочь! – промычал, поднимаясь, мужчина. – Какая же ты сволочь! – Сев, он провел ладонью по лицу, стирая кровь.

– Объяснили, как вы и просили, – сообщил по телефону рослый.

– Отлично, – отозвался Король. – Пусть за ним кто-ни-

будь понаблюдает. Куда он пойдет и вообще, что делать будет. Ясно?

– Отлично! – Король потер руки. – Значит, все будет как надо. Не верил я, что в карьере возле Иволги золото есть. Оказывается, там довольно богатое месторождение. А этот уперся... Ну что ж, я тебя все равно уговорю. Предлагал деньги – не захотел, а теперь вообще ничего не получишь. А ты, – он сурово посмотрел на сидевшего перед телевизором Романа, – не мог все сделать как надо. Теперь еще и тебя придется отмазывать. Тот идиот тоже возомнил себя великим киллером. А попался – так сразу: папочка, помоги! Помог. Но он нате вам, на врачиху полез. Моя, говорит, будет. Придурок! – Он плюнул. – Ведь запросто могли новый срок намотать. Хорошо, что Алла туда поехала, она намного умнее вас обоих... А где сейчас Пискун со своими шестерками? Что-то не звонит больше. Хотя он, кажется, прилично попал. Если, конечно, информация верна, его и тех двоих надо убирать. Не дай Бог попадутся, так и меня сдадут. Если бы они сюда добрались, я бы их использовал. Ну а потом все равно бы убрал. Но где они могут быть, хрен их знает... Так, с этой врачихой Кощей разберется. Он сумеет ее прямо дома завалить. Спишет на каких-нибудь зэков. Хотя вполне могут и на меня списать. Но с ней в любом случае надо кончать. Или тебе срок! – Он ожег сына взглядом. – Даже если Томка слова не скажет, а она, конечно, промолчит, эта врачиха все

равно доведет дело до конца и сможет уговорить Томку. Не пойму я таких – работаешь в зоне, так какого хрена тебе надо? Ну заступилась, и все. Может, славы желает? – посмотрел он на сына.

– Может быть, – недовольно отозвался тот. – Тогда всем было по фигу, а эта... – Он выматерился. – Я думал, с ментами все путем. Бабки я для них брал, – вздохнул Роман. – А пришлось еще свои отдавать. Но я с ней все равно посчитаюсь, я ее, сучку...

– Все в свое время, – усмехнулся отец. – В этом ты похож на меня. Я всегда рассчитываюсь со своими обидчиками. С любимыми. Вольно он перешел мне дорогу или невольно, но он мой враг, и я всегда по этим счетам плачу. Точнее, платят мне, причем в основном кровью. Ты адрес этой сучки, дочери Азова, знаешь?

– Папа, она моя, я с ней сам разберусь.

– Все-все! – засмеялся Король.

– Гад! – сплюнув кровь, прохрипел Азов. – Ну ты и гад, Котов! Но что делать, не знаю. Милиция вся у него куплена. По крайней мере никто ничего не делает. Совсем распоясался, сволочь! Но я тебе все равно не уступлю. До Москвы дойду, но положу конец твоему беспределу. Лишь бы Тому не нашли. Правда, адреса моих родителей никто не знает. Только бы она сюда не написала. А то ведь на почте увидят и сразу сообщат Королю. Но я не сдамся. Два года на пузе

ползал. Ведь предлагал ему, а он меня на смех поднимал – откуда, мол, здесь золото. А оно есть и будет моим.

– Снова эти волки появились, – проворчал пожилой мужчина в старом камуфляже.

– Ты уж с ними не связывайся, Антип, – вздохнула седая женщина. – Ну их к лешему.

– Да сам знаю, что власть у Короля нашего. Вот едрена бабушка, при коммунистах ведь такого не было. А сейчас демократия, и пожалуйста – Короли появились. – Он посмотрел на соседний дом. – Бедняжка Иринка, так и застряла в этой глуши. Ведь институт на «отлично» закончила. А вот заболела Прасковья, она приехала, да так и осталась. Замуж вышла неудачно, прожила два года и вдовой стала. Короля это дело, все домогается Ирку-то, едри его. И ведь добьется своего, пес! Вот кому бы я с удовольствием заряд картечи всадил. И считал бы, что сделал самое главное в своей жизни дело.

– Да что ты такое говоришь-то, Антип?! – ахнула жена. – Христос с тобой!

– Да не бойсь, Машка. Просто так говорю. Не смогу я в человека стрельнуть, даже в такого гада, как Котов. А Иринка молодец, не оставляет мать. Хотя теперь ребенок тоже приболел. Не везет девке. Хоть бы мужика хорошего ей Бог послал, тяжело молодой одной.

– Ну что ж, – улыбаясь, проговорила стройная женщина. – Давление нормализовалось. Только, Татьяна Андреевна, поменьше кофе пейте, сердце у вас...

– Да привыкла я, Ирина Павловна, – вздохнула средних лет женщина.

– Но в следующий раз вы можете просто не дожидаться меня, – покачала головой Ирина. – В больницу вам надо.

– Да какая больница! – отмахнулась Татьяна Андреевна. – Работы непочатый край. Спасибо, Ирина Павловна, – поклонилась она. – От всех людей спасибо вам огромное. Если бы не вы, то...

– Перестаньте, – вздохнула Ирина. – Я делаю то, чему учили. А вам все-таки надо...

– Зимой так и быть, – поднимаясь, улыбнулась Татьяна Андреевна, – в больницу направишь. А сейчас никак не могу. Ванька вот снова запил. А Толька от жены ушел и пьет. Боюсь я за них.

– Куда уставился, Лютый? – с усмешкой спросил сидевший на заднем сиденье джипа Король.

– Да так, – смущенно ответил здоровяк со шрамом на левой щеке.

– Все никак не забудешь эту медичку, – усмехнулся Котов. – И чего ты в ней нашел? Баб вокруг полно, а ты к этой прилип.

– Нравится она мне, – вздохнул Лютый. – И ничего поде-

лать с собой не могу. Я пытался...

– Погоди, – улыбнулся Котов, – вот как наладим производство, так все тут наше будет. И тогда сама к тебе прибежит. Ты у меня будешь отвечать за безопасность всего промысла. И охота на тебе будет, и рыбалка, и сбор лекарственных растений, и золото. Вот так вот, понял? Следовательно, и зарабатывать станешь очень неплохо. И главное – с уголовными делами завяжем, перед законом чисты будем. И тогда любая – твоя.

– Да мне не надо любой, – ответил Лютый.

– Как заберем у Азова план, сватов зашлю, – хмыкнул Король.

Глазов

– Погодь, мил человек! – Пытаясь не впустить в дом художавого загорелого молодого мужчину в черном камуфляже, дед Василий раскинул в стороны руки. – Ты гость нежеланный, а потому...

Короткий тычок указательного пальца в солнечное сплетение заставил старика осесть.

– Да ты что, ирод, делаешь-то?! – Старуха взмахнула ухватом. Худощавый поддел ладонью ее локоть, и женщина упала на спину. Вышедшая на шум из кухни Тамара закричала.

– Ша, сучка! – Худощавый поймал ее за шею. – Вот что, шалава, запомни: если хоть что-то вякнешь про Романа Котова, хана тебе и твоим наследкам. Ясно? И трупы, и хату спа-

лим. — Он повернулся к выходу. Около двери, глядя на перепуганную побледневшую девушку, стояли двое парней. — Покатили! — отрывисто бросил худой. Парни вышли за ним.

— Василь, — слабым голосом позвала хозяйка, — ты как, старый?

— Я сейчас. — Старик, поднявшись, направился к висевшему на стене ружью.

— Василь, — остановила его жена, — ты сдурел, что ль? Ведь убьют нас всех. Тамарка-то живая?

— Живая я, бабушка, — подошла к ней внучка.

— Чего этим нехристям надобно-то? — со стоном спросила хозяйка.

Котчиха

— Значит, вы говорите, — записывал старший лейтенант милиции, — что в переходе на вокзале в Красноярске второго июня сего года...

— Послушайте, — перебила его Вера, — а в чем, собственно, дело. Я написала в прокуратуру о том, что видела в Красноярске и готова подтвердить свои показания.

— Видите ли, в чем дело, — вмешался куливший у открытого окна плотный мужчина в штатском, — заявления от пострадавшей нет.

— Вот как? — возмутилась Вера. — Выходит, я все это придумала? Ну, знаете ли!

— Мы этого не утверждаем.

– В общем, не знаю, что там и как, но я видела, как на девушку напал парень с ножом, забрал у нее деньги и что-то говорил об отце. Я вмешалась, и тут подросла милиция. Кто-то позвал милиционеров, и они появились. И как раз объявили о прибытии моего поезда. Я все подробно написала в заявлении, которое отправила в красноярскую прокуратуру, поскольку мне показалось, что милиционеры знакомы с грабителем и меры приняты не будут.

– Было такое, – вошел в комнату оперативник. – Там начальник милиции вокзала что-то намутил. В данное время он и двое его сотрудников находятся в розыске. Извините.

– Ну что ж, должно получиться, – шагая по камере, бормотал Вулич. – Так, – он сел на пол, – надо сварить прутья, соединяющие диски барабана. Увеличить перешеек я смогу сам. Потом намотать. Они не ждут попытки уйти в барабане. Перед погрузкой кран движется влево. Значит, в это время надо залезть в барабан. Сделать это можно незаметно. Через десять минут подойдет платформа. Погрузка занимает пятнадцать – двадцать минут. Потом контролеры наскоро проверят барабаны и прицепят паровоз. Через пять минут платформы, их обычно две, вытягивают в запретную зону. Там проверяют с собакой. Бензин достать не проблема. Нужно смазать подмышки, за ушами, сгибы рук и ног, намочить в бензине носки. Все, собака человека не учует. Кроме того, алюминиевые провода тоже уменьшают вероятность почув-

ствовать запах. Я уйду. Сварить штыри посередине я смогу. А как намотать? К кому обратиться? Черт! Вот это вопрос...

– Слышь, гяур, – раздался голос Исмаила, – повезло тебе, шакал! Но ты все равно сдохнешь, собака!

Борис продолжал ходить, думая о своем.

– Ты же обещал, что никто не узнает, – скулил сидевший на стуле Кустов. – А меня теперь...

– Зачем пошел в камеру к блатным, – усмехнулся Седых. – Ты пойдешь по делу как соучастник. Я не смогу тебя отмазать. Но получишь минимум.

– Гад ты, кум! – Куст вскочил.

Седых рассмеялся:

– А тебе давно пора кукарекать, ты же, мразь, двух беременных изнасиловал! Как тебя, суку, еще в СИЗО не отодрали. Увести! И давай сюда Исмаилова, – приказал Седых контролеру.

– Значит, славы захотелось? – усмехнулся Бармин. – На вооруженного ножом бандита в чужом городе... Я, наверное, не решился бы. Но почему потерпевшая молчит?

– Она напугана, – ответил мужчина в штатском. – Сейчас она в Глазове и заявляет, что нападения не было. Но факт уже установлен. Правда, без заявления потерпевшей дела не будет. Так что у красноярцев появилась лишняя головная боль. Хотя после письма вашего врача многое стало понятно.

Красноярцы очень благодарны Чепурных. Знаете, майор, не думал я, что в зонах такие женщины работают. Она совсем не подходит для работы в этих местах. Красива, умна и...

– Слишком принципиальна для этих мест, – недовольно заметил Заев. – И при первом удобном случае я с ней расстанусь. Значит, Чепурных отличилась! – Он рассмеялся – И снова Котов...

– Что? – не расслышал оперативник.

– Да так, – ответил Заев, – горжусь своей сотрудницей.

– Но только что вы говорили, что расстанетесь с ней. Как-то не вяжется одно с другим, – заметил оперативник.

– Да не складываются у нее отношения с коллективом. Одна против всех.

– Ну это как раз понятно. Она красивая, молодая, у нее высшее образование. Естественно, она на голову выше остальных. У нее есть будущее. Да и с мужем у нее тоже все в порядке. Я бы на вашем месте дорожил такими и с удовольствием забрал бы ее в Киров. Подучилась бы немного и стала криминалистом. Но она и слышать об этом не хочет.

– Героиня! – Полина ожгла взглядом проходившую мимо Веру. – Снова отличилась. Награду дадут, наверное, – усмехнулась она.

– Или нож в живот, – отозвалась рябая медсестра. – Сейчас такие герои долго не живут. К тому же с Котом еще не все ясно. Семья-то, видно, богатая и добиваться своего уме-

ет. Так что не завидую я Верке.

– Что же вы за вороны такие, – проворчал Вячеслав Андреевич, – все вам неймется. Слушать ваше карканье противно. Конечно, понимаю я обиду вашу – от зэка такое услышать. Вам же обычно только комплименты выдают. Ну, если сорвутся, матом обложат. А тут... – Вспомнив слова Вулича, он рассмеялся.

– А ты-то, старый хрен, чего за нее заступаешься? – сердито спросила Полина.

– Хватит! – рявкнул он. – Работайте!

– Привет! – пожимая руку Виктору Чепурных, кивнул черноволосый молодой мужчина. – Вера снова на пике славы? – улыбнулся он. – Преступников помогла...

– Хватит! – перебил его Виктор. – Да, помогла девушке. И что теперь? Ты бы лучше прекратил разговоры насчет всего этого.

– А я, что ли, это придумываю? – хмыкнул черноволосый. – Ну ладно, если я еще раз от кого услышу, морду набью.

– Что у тебя? – вздохнул Виктор. – Если зашел просто поговорить, то у меня времени нет. Скоро комиссия, поэтому дел невпроворот.

– Да о ней уже месяц говорят, – усмехнулся тот.

– Пока! – Чепурных кивнул на дверь.

– Задаешься ты, капитан, – усмехнулся черноволосый, вышел и подчеркнуто аккуратно прикрыл дверь.

– Завтра поедете на Лесной, – сказала Вера.

– Может, лучше здесь? – вздохнул лежавший на койке пожилой мужчина. – Вы все-таки и словом лечите. А там, – он вяло махнул рукой, – все вроде как из Бухенвальда. Для вас мы больные, а там эки позорные.

– На Лесном есть хорошие специалисты, – улыбнулась Вера. – Я не могу дольше держать вас здесь, а там вам окажут необходимую помощь. – Посмотрев на троих больных, она вздохнула: – До свидания! – и вышла.

– Вот баба! – облизнулся плотный мужик.

– Врач хороший и человек, властью еще не испорченный, – заметил пожилой.

– Это точно, – согласился лысый мужик. – Не чета другим. Муж ее, Виктор Петрович, стал больше ментом, чем врачом. А Либертович вообще гестаповец, мать его!..

– Значит, Вулич ведет себя спокойно? – спросил Седых. – И никаких разговоров о побегах?

– Нет, – покачал головой мастер. – По крайней мере все мои стукачи ни о чем таком не слышали. Кстати, работал он тоже хорошо, ни одной приписки. Надеюсь, вы не для того все это начали, чтобы я его отстранил?

– Боже упаси! – усмехнулся Седых. – Здесь он на виду, и я этим доволен. И от блатных он все-таки в стороне. Значит, помочь ему никто не может. А никто не замечал, шитьем он

не занимается?

– Каким шитьем? – удивился мастер.

– Ну, может, шьет что-то.

– Да никто ничего не говорил. Если что-то не так, я знать буду.

– Надеюсь, мы не прозеваем Вулича. Он ищет возможность побега, в этом я убежден. И нежелательно, чтоб у него это получилось. Даже если он просто попытается, у нас будут большие неприятности.

– Шакалы! – надрывно орал Исмаил, лежавший на бетонном полу с закованными руками. – Псы!

Дверь открылась.

– Выходи, – отступил в сторону контролер.

– Уже пятнадцать кончились? – удивился Вулич. – А я думал...

– Семь суток тебе скинули. Производство требует твоего присутствия на промзоне. Выходи.

– И свобода нас встретит радостно у входа, – провозгласил, выходя из камеры, Вулич.

– Ты скоро сдохнешь! – закричал Исмаилов.

– Ошибаешься, чех! – засмеялся Борис. – Сейчас у меня другие планы. На работу или в зону? – спросил он у контролера.

– В отряд иди, – кивнул тот.

– Придется ехать, – грустно проговорила Вера. – Но я быстро, туда и обратно. Надо увидеться с девушкой. Она говорит, что нападения не было.

– Дело ее, – пожал плечами Виктор. – Ну не хочет ворошить то дело, значит...

– Подожди, Витя, – остановила его Вера, – а как же я? Получается, что я все это придумала?

– Так подтвердилось же все.

– Я поеду и встречусь с этой Азовой.

– Ну и жена у меня! – засмеялся Виктор. – Супервумен, бросилась на бандита с ножом.

– Да какой там бандит, мальчишка. Он, кажется, больше меня испугался, – рассмеялась она.

– Я тебя, Вера, вот о чем попрошу – не ссорься ты больше с бабами. Они уже...

– Если не будут задевать, я первой никогда ничего не скажу, но в обиду себя не дам. Противно, когда шепчутся и считают, что я любовница Либертовича. Я его только за это ненавижу. Помнишь, как все началось?

– Все знают, что это неправда.

– Как раз это и обиднее всего.

– Подожди, – рассмеялся Виктор, – лучше было бы, если на самом деле...

– Витя!

– Извини, я действительно несу что-то не то.

– Привет! – Алин пожал руку Борису. – Сейчас перекуришь. – Он подошел к своей тумбочке. – Я тут тебе кое-что оставил. Посылку получил и в ларьке отоварился.

– Да я не очень-то голоден. Вот если пару пачек сигарет дашь, не откажусь.

– Конечно. – Алин достал сигареты. – Но и поешь заодно, все-таки семь суток на воде и хлебе. Тут консервы есть, паштет, хлеб.

* * *

– Надо потолковать с Афганом, – сказал один из пяти сидевших на койках мужчин. – А то, похоже, хрен нам, а не проценты. У меня на счету голяк, а хотел перегнать пару сотен.

– Чего толковать-то? – усмехнулся плотный мужчина. – Наехать, и все дела.

– Он тебе не мальчик для битья, – возразил первый, – капиталь будет. Ментам только этого и надо. А у меня свиданка на подходе. Нужно перебазарить по-хорошему, поймет, наверное. Ну а если нет, то Баклану с его кодяком команду «фас» дадим.

– Как бы мужики не влезли, – проговорил коренастый мужчина. – Они запросто за Афгана впрягутся. Да и Бурлак, если узнает, разбор устроит.

– Бурлак сам себе проценты берет, – сказал первый. – И не полезет он против братвы.

– А вы заметили, – проговорил лысый толстяк, – мужики на общак стали меньше давать? Тут один из Сибири начал базар. Мол, даю на грёв в изолятор, а сидел десять суток, и хоть бы бычок закинули. Надо с ним разобраться.

– Точно, – кивнул первый, – базарит много. А сам кто по жизни-то? Был бесконвойником, в шнырях. Так что на место его пора поставить.

– Слышь, Афган, – четверо мужиков подошли к Вуличу, – мы тут собрали кое-что. Ну, курева трохи, чайку и похавать немного. Не в долг.

– Благодарю, – улыбнулся Борис. – Как дела-то?

– Нормально все, – усаживаясь, кивнул мужчина лет сорока. – Я тут мужикам про изолятор говорил. Мы постоянно на грёв давали, а я оттянул червонец, и хоть бы хрен.

– Мне тоже только мент дал, – сказал Борис. – А блатота курит. Греть надо. Мужикам пусть редко, но перепадает. А ты зря базар начал, точно предъявят тебе.

– Да я понимаю, – хмуро согласился мужчина. – Но хочу поскорее выйти. У меня мать больная и жена с тремя оболтусами. Совсем без отца распустились. А тут все-таки скинули два года, осталось три месяца, и я на воле. Во, – кивнул он на подошедшего с литровой банкой чифира заключенного, – отметим твой выход.

– Ну и дыра! – хмыкнул худой загорелый мужчина. – Но гостиница есть. Надеюсь, помните, кто мы есть? – подмигнул он двум парням. – Те рассмеялись. – Надо узнать, где эта Чепурных живет и с кем.

– Так с мужем, – напомнил один. – Он начальник медчасти в зоне, а она...

– Может, кто еще приехал, – перебил его худощавый. – В общем, осторожно узнайте об этой шкуре все.

– Ништяк, – кивнул второй. – А сколько за нее получим?

– Хватит, – усмехнулся худой. – И сразу на отдых, пару месяцев для себя поживем.

– Если кипиш будет, нам не уйти, – сказал второй парень, – положат сразу. В этих местах прокурор медведь. А хозяин вообще мразь, Заев его фамилия. Тварь голимая. Бабки есть – значит, волю купишь, а так... – Он махнул рукой. – Менты под его...

– Уйдем мы тихо и спокойно. Начальника медчасти, ее мужа, дернут по вызову. Один кент в зоне себе кишки вскроет, – сообщил худой, – и мужа вызовут. А мы к жене занырем, и все дела. В километре отсюда будет санитарный вертолет, там мужик под трактор попадет. В общем, все путем.

– Запомни, – обратился Граф к невысокому парню, – в

двенадцать пузо вскрываешь.

– И с долгом расчет? – спросил тот.

– Сколько раз об этом базарить? – недовольно отозвался Граф. – Главное – сделай все путем.

– Спасибо тебе, – кивнул парень. – Значит, в этом доме? Спасибо, – наливая водки невысокому бородачу, повторил он.

– Это тебе спасибо, – опрокинув в рот водку, выдохнул тот. – Жбан раскалывается, а на опохмелку ни черта нет, вчера все уделал.

– Подожди, – остановил Вулича Алин, – зачем тебе это надо?

– Уйти хочу, – пристально глядя ему в глаза, ответил Борис. – А помочь можешь только ты. Ясно?

– Да, но что-то я не пойму, зачем надо варить четыре штыря. Точнее, наваривать на них изгиб.

– Не наваривать, – Вулич взял карандаш и стал рисовать, – а изогнуть. Концы с резьбой остаются. А сразу после входа соединения внутрь по стенке барабана с двух сторон каждый из четырех штырей поднимется вверх на сорок сантиметров, и там они снова соединятся, то есть увеличится размер перешейка, соединяющего колеса барабана. По соединенным вверх штырям набьем полосы для шеи барабана, а на нее до конца намотаем провод. Ты же видел такие?

– Брак, – кивнул Алин. – А дальше-то что?

– Делаю дверцу в одном круге, залезаю в барабан. И все, я внутри. Барабан вместе с остальными грузится, и я выезжаю. Собаки меня не учуют.

– Во блин! Ты, в натуре, на такое пойдешь?

– Конечно. Сидеть еще семнадцать лет нет желания. Да и не просижу я. Сейчас у меня появилась цель. А просто мотать срок я не могу. Ну что, сваришь штыри?

– Выйдешь на работу, покажешь, как и что. Но надо еще провода намотать.

– А ты сможешь?

– Нет. Но есть один знакомый, он работает на намотке. Мужик нормальный и вопросов задавать не будет. Я ему скажу, что просто хочу побольше втюхать, и все. Поймет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.